

С. Кургинян

РОССИЯ И МИР

ЭТЦ — Информ

С. Кургинян

РОССИЯ И МИР

Москва
Корпорация «Экспериментальный творческий
центр». Международный общесоюзный фонд
1992 год

ББК 66.3(2)
К 93

СО Д Е Р Ж А Н И Е

РОССИЯ. БЫТИЕ И НИЧТО КАК ДВЕ РАВНО ВЕРОЯТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.	
Часть первая. Распад России	3
Часть вторая. Воскрешение России	35
РОССИЯ И МИР.	
Часть первая. Консенсус во лжи	41
Часть вторая. Фундаментальная ложь перестройки и не только ее	47
Часть третья. Камо грядеши?	53
Часть четвертая. Север — Юг	59

Кургинян С. А.

К 93 Россия и мир. — М., 1992

**К 0803010200—1
09(03)—92** — без объявл.

© Кургинян С. Е. 1992 г.

ISBN № 5-7018-0001-6

РОССИЯ. БЫТИЕ И НИЧТО КАК ДВЕ РАВНО ВЕРОЯТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Доклад, прочитанный на заседании
клуба «Постперестройка» 12.12.91 г

Часть I. РАСПАД РОССИИ

События последних недель подтверждают, что распад России ускоряется, и все попытки сдержать этот распад, несомненно, являются попытками с негодными средствами. Особенно беспокоит очевидное нарастание уровня несоответствия между целями российского руководства (такими, как стабилизация России, неделимость ее территории, союз братских славянских народов) и применяемыми для реализации этих действительно серьезных и значительных целей технологиями (как то: заявления о территориальных претензиях, поездка в Нагорный Карабах, «странная война» в Чечне и, наконец, очевидно временный союз независимых государств). Такой отрыв целей от технологий хорошо знаком нам по событиям 1987-1991 годов.

Это позволяет предвидеть исторический результат и высказать гипотезу о том, что цели, предъявляемые обществу, как в первом, так и во втором случае являются иллюзорными для одних участников политического процесса и фиктивными — для других, главных его участников. И что, скорее всего, содержание осуществляемых действий, рассматриваемых в их системной взаимозависимости, — по-прежнему деструктивно. И, наконец, что **по ту сторону** подобной деструктивности просматриваются либо темные и бесплодные геополитические иллюзии, либо (что, возможно, хуже всего) тотальная и самодостаточная Пустота с большой буквы.

В доказательство того, что осуществляемые в последнее время действия, вне зависимости от иллюзий отдельных политиков, являются деструктивными, предлагаем наш очередной анализ системного кризиса с выделением основных фактов и факторов. Подобный анализ — не есть самоцель, а факты и факторы имеют для нас значение лишь постольку, поскольку, обрисовывая контуры еще реального для России «коридора возможностей», тем самым обуславливают и то, как нам следует разворачивать свой практикофилософский проект в той его части, где речь идет о целях и ценностях.

Говоря об обусловленности наших теоретических изысканий динамикой политического процесса, мы тем самым подчеркиваем их **именно прагматическую** направленность, их нацеленность прежде всего на создание **новой геополитической доктрины**. Ее отправная точка — это распад России, как запущенный и неуклонно нарастающий процесс. Ее цель — **выход России из этого распада обновленной и воскрешенной**, готовой к новому этапу своего бытия в истории и метаистории.

Из чего мы исходим, говоря о распаде России? Почему (с глубокой скорбью!) мы констатируем этот процесс как реальность? И наконец, **о распаде какой России** мы говорим и почему считаем возможным ее воскрешение? Для ответа на эти вопросы мы и приводим систему фактов и факторов, позволяющих прогнозировать дальнейший ход событий на территории бывшего СССР.

Фактор первый. Делегитимизация всего процесса, связанного с построением новых «союзнических» псевдогосударственных образований. Если решения трех президентов достаточно для отмены всего предшествующего исторического результата, то каких-нибудь еще документов, подписанных новыми лицами, будет достаточно для подрыва «брестского соглашения» или, как называют его теперь, «Брестского мира-2». Политики, не способные извлечь уроков из опыта своих предшественников, обречены на то, чтобы самим пережить их фиаско. Процесс в Ново-Огарево, начатый Горбачевым, кончился крахом. Почему? Ответ достаточно очевиден.

Этот процесс не был легитимен, по существу представлял собой подмену законных органов власти сомнительными конструкциями, созданными в угоду сиюминут-

ной политической конъюнктуре «по политбюровскому» методу, гласящему, как известно: «Что хочешь — то и получи».

Заметим, что общественная реакция на Ново-Огарево в целом вроде бы была положительной, что говорит о том, в какой степени отсутствует в обществе та самая правовая демократическая культура. Но деструктивный заряд, заложенный в ново-огаревском процессе, сдетонировал как бы сам собой, обрушив СССР. Примерно такая же судьба, как это ни прискорбно, ожидает на наш взгляд и «брестские соглашения», модель «три плюс ноль», «славянский союз».

Будучи нелегитимным, он рухнет под тяжестью этой нелегитимности, что называется, «отомрет за ненадобностью». При этом окажется дискредитированной здоровая идея «славянской унии», которая могла бы стать первым шагом к строительству нового государства. Произойдет семантическое обрушение, сработает фактор накопления уже не воспринимаемых общественным сознанием названий «ССГ», «СНГ» — что дальше? Кто больше?

Общество, в котором так легко «кроят» и «перекраивают» государства, не воспримет и не поверит ни одному из новых построений, ни одному из новых экспериментов, поскольку уже не раз произошла **демонстрация ненадежности**. Мы настаиваем на том, что общество именно **приучают** к ненадежности властных решений, дискредитируя тем самым идею власти вообще, создавая и моделируя на уровне демонстрационного эффекта «блеск и нищету» всякой и всяческой власти.

СНГ станет очередным шагом к дискредитации власти, очередной демонстрацией ее бессилия, и в этом смысле оно (СНГ) так же вредно, как и ССГ, и как любая другая химерическая псевдо-государственная конструкция.

Фактор второй. Обострение противоречий, вызванных так называемым «славянским союзом». Причем, такое обострение, которое с наибольшей силой сработает именно на деструкцию РСФСР. В самом деле, объективной предпосылкой славянского союза является сдвиг этноконфессионального баланса на территории Евразии, произошедший в результате отделения и отпадения Украины. Дело в том, что СССР занимает фактически господствующее положение в Евразии, а значит и во всем мире.

Этот факт, этот фактор ничем не отменишь, никакими «решениями» о роспуске СССР. Ибо проблема Евразии не отпадет ни с декоммунизацией общества, ни с роспуском союзного государства. «Свято место пусто не бывает». Держателем Евразии может быть только супер-этнос, насчитывающий не одну сотню миллионов «человекоединиц». Малые народы на эту роль не претендуют. Здесь самешно говорить о равноправии народов. То есть об одинаковом праве слона и муравья тянуть многотонный груз. Тянуть-то они оба «имеют равное право», но «вытянуть» — слон может, а муравей — нет. И заявить о равенстве прав в этом смысле можно только в порядке издевки или провокации. А значит, право на Евразию имеют славяне и турки, в том смысле, что они, и только они, могут быть держателями пространства, что вовсе не означает правовой, нравственной, экзистенциальной, культурной, государственной и любой другой дискриминации всех прочих народов.

СССР держал в равновесии славяно-тюркский и православно-исламский баланс в Евразии. С его снятием равновесие нарушено. Его пытаются восстановить. В этом смысл «славянского союза», в этом объективное содержание заключенных соглашений. И не надо оправданий. Не надо лукавств по поводу того, что де мол, у Ельцина «не нашлось пятнадцатикопеечных монет, чтобы позвонить вовремя Назарбаеву». Не надо возгласов об «открытости союза независимых государств».

Западная (да наконец-то, и советская!) пресса в этом смысле гораздо более откровенна.

Бонн, 6.12.91. «Кельнер штадт-Анцайгер» о внутриполитической ситуации в СССР, статья Уве Энгельбрехта «Президент без власти и рублей»:

Ельцину и части его сторонников становится не по себе при мысли о том, что им без Украины придется столкнуться лицом к лицу со среднеазиатской «гвардией пяти» под руководством своевольного Назарбаева, которая будет дополнена исламским Азербайджаном. Беспокойство вызывает отчасти это этнически-религиозное смещение центра тяжести, а с другой стороны, в основном не изменившийся авторитарный строй в этих республиках, где, невзирая на реформаторское рвение, например Назарбаева, почти не воцарился демократический дух.

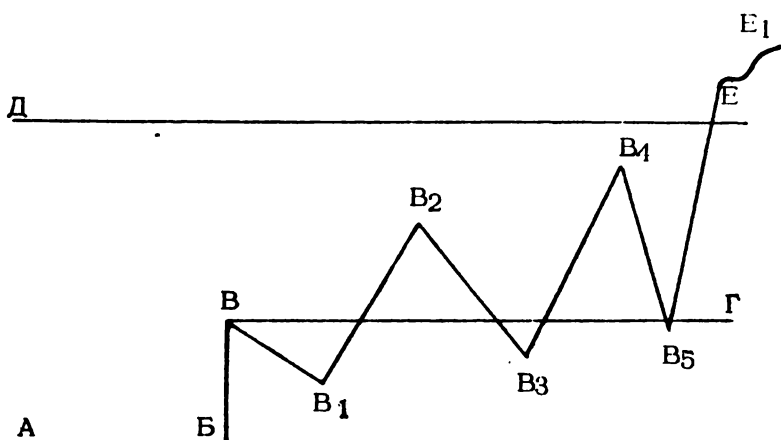

Рис. 1.

- АБ** — этно-конфессиональное равновесие (ЭКР) до отделения Украины.
- ВГ** — ЭКР после отделения Украины.
- БВ** — этно-конфессиональный сдвиг.
- В-В₁** — попытка восстановить баланс с помощью СНГ.
- В₁-В₂** — ответные действия исламского мира (Ашхабадская встреча).
- В₂-В₃** — попытка снова восстановить баланс со стороны «славян».
- В₃-В₄** — ответные действия «ислама» уже на территории РСФСР.
- В₄-В₅** — противодействие этому действию со стороны РСФСР, которой придется уже «брать все на себя».
- В₅-Е** — ответные действия «ислама» с выходом за рамки политического противоборства.
- Е-Е₁** — военный конфликт.
- Д₁** — предельный уровень дисбаланса, начиная с которого противостояние становится неизбежным, переставая при этом быть мирным.

себя «парад президентов» (при «десяти годах за сепаратизм», объявленных Кравчуком), не только республика, чья граница уязвима со стороны исламского мира. Но это и республика, имеющая внутри себя исламскую компоненту. Взорвать ее поэтому сегодня наиболее легко, нанеся удар в «мягкое подбрюшье — ислам». Казалось бы, уже существует опыт Чечни. И тем не менее Россия «подставляет себя» в очередной раз. Ради чего? Неужели же ради того, чтобы позволить Украине решить болезненную для нее «русскую проблему», обострение которой в ближайшие полгода фактически неминуемо. Чтобы отдать Украине под благовидным предлогом Южнороссию и Крым? Чтобы надолго увязнуть (это после Афганистана!) в конфликтах, по сути своей безусловно братоубийственных? И не в том ли состоит «долговременная стратегия» Украины (не желающей быть, как это следует из приведенного нами высказывания ее вице-преьера, «ни тубетейкой, ни ушанкой»), чтобы заполучить за счет разрушения России «европейский головной убор» по последней моде?

Если дело в этом, то такая стратегия, конечно же, интеллектуально на порядок весомее простодушной идеи с помощью комбинации «три плюс ноль» — «свалить (наконец-таки!) Горбачева. А потом? ... Как говорится: «Утро вечера мудренее» ...

Но и позиция Украины — тоже недалековидна, поскольку не для того ей предлагают такую игру, чтобы включить после этого в европейский процесс, а для того, чтобы «разыграть» ее по той же самой схеме. Сначала — СССР, потом — РСФСР, потом Украина ... Что дальше? ...

Фактор четвертый. Бедственное положение в ряде регионов и территорий. Мы уже многократно указывали на то, что в Москве, Ленинграде, ряде других крупнейших промышленных городов, в целом ряде регионов, не говоря уже о труднодоступных районах страны и Крайнем Севере, экономическое положение крайне скверное.

Хуже всего то, что мы имеем дело с инерционной системой, которую очень долго приходится разрушать, но разрушив, ее дольше приходится восстанавливать. Не утомляя количественными оценками, скажем только, что речь идет действительно о ситуациях, близких к бед-

ственным, и что никакая иностранная помощь помочь решению этого вопроса не в состоянии хотя бы потому, что не хватит ни мощностей транспортной авиации, ни денег, ни ресурсов ни у одной мировой державы. Действия спасателей на такой территории могут иметь лишь демонстрационный эффект.

Вместо этого, по данным того же Шохина, спасти может лишь жесткая система управления экономикой, но как раз ее-то и нет.

Фактор пятый. Безвластие. Власть не имеет ничего общего с элементарным насилием. Сколько бы ни повторяли эту простую истину, она почему-то оказывается слишком сложной для восприятия. А ведь даже такие «любители» насилия, как Сталин и Гитлер, прекрасно понимали, что на голой силе далеко не уедешь.

Полнота власти предполагает существование ее на семи уровнях.

Первый — концептуальная власть.

Второй — идеологическая власть.

Третий — информационная власть.

Четвертый — персональная власть.

Пятый — организационная власть.

Шестой — социальная власть.

Седьмой — экономическая власть.

И лишь на восьмом месте можно поставить насилие, необходимое для реализации власти, но не тождественное власти как таковой, отдельно от нее существующее. Недаром Прометей у Эсхила сопровождают две фигуры — Сила и Власть, отдельные и самостоятельные. Упование на поговорку «Сила есть — ума не надо» не привело ни к чему, кроме развала страны. И будет лишь усугублять его, коль скоро «некто» решится еще раз нажать на «силовой регистр», не имея кроме этого в своем политическом багаже ничего, кроме грубой силы.

Так что же с властью? Концепция России — отсутствует. Это рано или поздно приведет к большой крови. Идеологии — нет. Ибо язык, на котором пришли к власти демократы — исчерпан. Он больше не работает. Нового языка — либо не имеют, либо — боятся использовать (и возможно, не зря боятся).

Информационная власть — вроде бы и существует, но при такой скудности языка ее обилие оборачивается

ее неэффективностью.

Организационная власть — фикция. Прото-партии неспособны ни ставить, ни решить вопрос о власти.

Персональная власть — обнажает потрясающий дефицит новых серьезных лидеров.

Социальная власть — отсутствует, поскольку все хотят быть партией «предпринимателей» (слабо понимая при этом, кто это такие), но никто не хочет реально позаботиться о том, как отстоять интересы государства, а значит, и народа. А без этого — нет социальной базы, нет власти, нет легитимности.

Экономическая власть — пока не научилась эффективно использовать свои возможности, включая с помощью экономических рычагов те или иные блоки властного механизма. А красивое слово «лоббизм», прикрывающее весьма элементарные вещи, имеет мало общего с искусством власти и управления.

Возможна ли в этом случае и с учетом остальных факторов та самая «сильная рука», о которой все говорят, которой все боятся?

Как мы видим, это маловероятно. И скорее всего, сегодня все эти разговоры будут реализовываться лишь для того, чтобы включить в действие еще один фактор деструкции.

Фактор шестой. — Путчизм.

Маса заявлений и публикаций последнего месяца по поводу нарастающей угрозы нового путча побудила нас детальным образом исследовать вопрос о путчизме, как способе управления ходом политического процесса, и выделить в связи с этим ряд возможных манипулятивных сценариев.

Сценарий первый. Путч как чистый «блеф», как сплошная торговля страхом. В этом случае, пугая путчем, хотят укрепить свой авторитет. Используемые инструменты — средства массовой информации. В реальности ничего происходить не будет. Это — слабое средство. А раз так, оно — малоэффективно и маловероятно.

Сценарий второй. Путч, как «полу-блеф», как испуг-провокация. В этом случае провоцируют выброс социальной энергии в ряде локальных точек. Массы подвергаются морально-психологическому террору. Этим вызывается шок и укрепляется власть. В этом случае будут использованы провокаторы в дополнение к средствам

массовой информации. Последние будут «расстреливать» массы репортажами из локальных, заранее выбранных точек, где будут спровоцированы взрывы. В этом случае вся психотехническая энергия средств массовой информации будет обращена на запугивание, на подавление протеста. Есть вероятность, что с помощью подобных средств можно задержать процесс общего развала максимум на два месяца. Но «финальный» взрыв после этого будет только сильнее.

Сценарий третий Возможен путч как «четверть-блеф», как провокация-испуг. В этом случае локальные взрывы должны быть раз в десять мощнее, в совокупности с действием средств массовой информации и дополнительным локальным насилием со стороны элитарных частей. Такое сочетание информационного и прямого репрессивного механизма может вызвать отсрочку «финала» максимум на четыре месяца. Достаточно высоко вероятен срыв подобной комбинации или ее переход в стадию неуправляемого процесса, чреватого самыми тяжелыми последствиями.

Сценарий четвертый. Путч как имитация, как «квази-путч», своего рода ГКЧП РСФСР. В этом случае появится новый «янаев», новая «восьмерка», состоящая частично из просто наивных людей, частично — из людей, якобы «посвященных». Все они после этого будут выведены из политической игры. Репрессиям могут быть подвергнуты те или иные политические группы — коммунисты (радикальные или умеренные), «патриоты» (также радикальные или умеренные). Ставка в этом случае должна быть сделана уже не на элитарные части, а на репрессивный механизм. Но он сегодня еще крайне слаб, что делает этот вариант весьма и весьма рискованным.

Группа приведенных четырех сценариев представляет собой, во-первых, варианты стратегии удержания власти. Эта задача в сегодняшней ситуации может быть поставлена лишь людьми со скудным «секретарским» мышлением. Но эта группа сценариев представляет собой, во-вторых, **метод фильтрации политического спектра** за счет «вывода из игры» в результате «путчей» и «путчи-ков» всех лидеров с не устраивающей «главного игрока» (игроков) ориентацией. И это главное!

Так, например, в первом «путче» можно «снять» рабочих лидеров. Во втором — коммунистов-фундаменталистов. В третьем — патриотов. Можно несколько раз «срабатать» по схеме третьего сценария в разных его версиях, «выбивая» те или иные цели, «снимая» нежелательных лидеров.

Если в «игре» несколько «игроков» — тем хуже для страны, поскольку она может вообще остаться без лидеров. Но страна богата людьми, и они будут «приходить» на места ушедших. Тогда на каком-то «шаге», скажем так, «п-1», стратегия будет изменена, и бразды правления будут переданы ограниченным, зашоренным радикалам (до поры до времени «оберегаемым!»), радикалам, способным «повести за собой народ»... разумеется, в пропасть, добывая окончательно и его, и себя.

Если ставка будет сделана на это, тогда придет (на «п»-ном «шаге») время пятого или, скорее всего, шестого сценария. Понимая, что пятый сценарий может представлять интерес только в качестве паллиатива, мы все же его приводим.

Пятый сценарий. Это продленный «квази-путч», фиктивная, дефектная передача власти, как баскетбольного мяча, тем, на кого будет после этого возложена ответственность за катастрофу. Скорее всего, это будут умеренные «патриоты» и «государственники». А после них возможно возвращение к власти других сил с последующим развалом страны, как неизбежным результатом такого сценария. Но такое возможно лишь при крайней ослабленности народа.

А теперь — *сценарий шестой*. Это передача власти уже после (!) изматывания страны, после (!) выхолащивания ее элиты на «п-ном шаге». Тогда нужны окажутся именно крайние «патриоты», которые выпустят кровь, истощат все силы и после этого «сдадут на руки» «игрокам» обескровленную страну. Страну — труп. Вам кажется это невероятным?.. Но мало ли что казалось вам невероятным еще полгода назад?

Шестой сценарий в совокупности с третьим и четвертым могут составить весьма эффективный «алгоритм». Его главное условие в том, что «игроки» находятся в «стране непуганных дураков, в стране беспробудных кретинов». Хотелось бы верить, что это не так!

Сценарий седьмой. Анархия. Хаос и катастрофа, неизбежно приобретающие глобальный характер. Такой вариант не исключен. Он и теперь уже признается руководством страны, хотя совсем недавно говорили об этом, как о «торговле страхом со стороны прислужников партукратии».

Сценарий восьмой. Передача власти всерьез тем силам, которые могут действовать позитивно в сложившейся ситуации. Почетная сдача «игроками» позиций и участие в тех программах, которые признаются «наименьшим из зол», движением к спасению хоть каких-то позитивных результатов предшествующего периода, к спасению государства и общества, которые, как признают сегодня лидеры, сейчас действительно в опасности. Такой вариант был бы спасительным для страны. Но это — как бы за скобкой деструкции и предполагает наличие разума, терпения, нравственности, наконец.

Наши главные опасения в том, что реализуется все же седьмой сценарий. А все уловки и маневры «модельщиков» окажутся бесплодными — не будут решены **даже те убогие задачи, которые попытаются решить с помощью подобных уловок.**

Однако, это не снимает с нас интеллектуальной ответственности за будущее нарождающейся политической элиты, которая смогла бы осуществлять управление страной в посткатастрофический период. Поэтому мы предлагаем ее вниманию ряд математических моделей, описывающих то, как именно ее попытаются «отфильтровать» шаг за шагом в условиях последовательной «путчизации». Мы надеемся на то, что эти модели помогут ей практически самоопределиться в условиях сегодняшнего политического процесса и сделать выводы. В конечном счете, это совпадает с целью нашего клуба — изложенной в первом докладе. **Формирование дееспособного политического субъекта, такого, которым уже нельзя будет манипулировать, формирование высших этажей власти, а не низших, силовых регистров ее — вот наша цель.**

Приведенные ниже математические модели помимо их сиюминутной роли способны, с нашей точки зрения, вывести на главный вопрос — о политической доктрине, обеспечивающей конструктивное разрешение евразийских противоречий во всем их масштабе и во всей

глубине. Поскольку итогом манипуляций будет определенная расстановка сил.

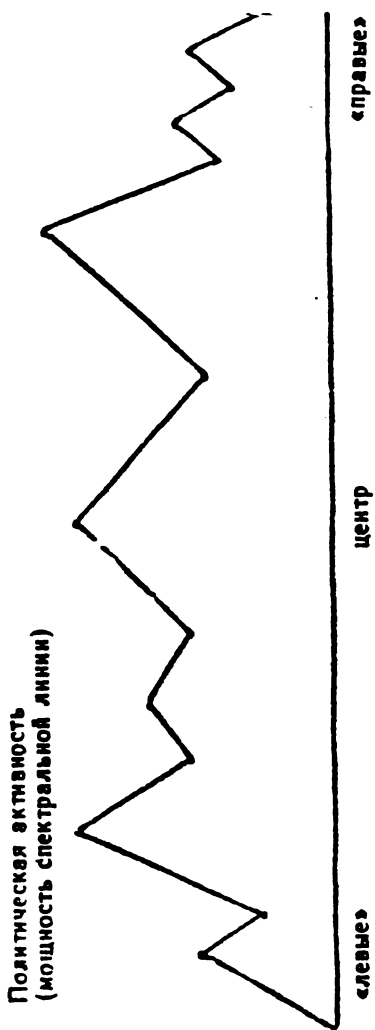

Рис. 2

Путч № 1
Истерика средств массовой информации
по поводу «правой угрозы»

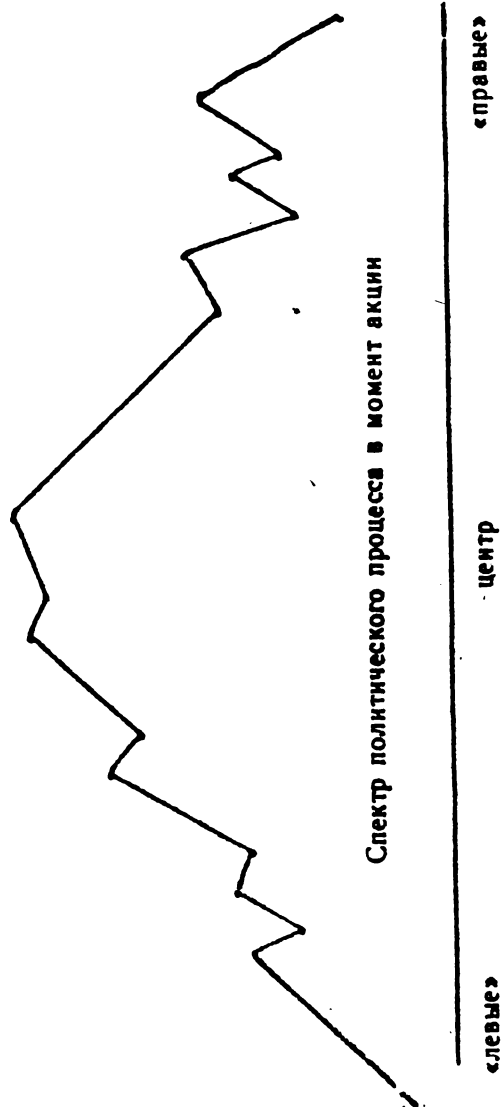
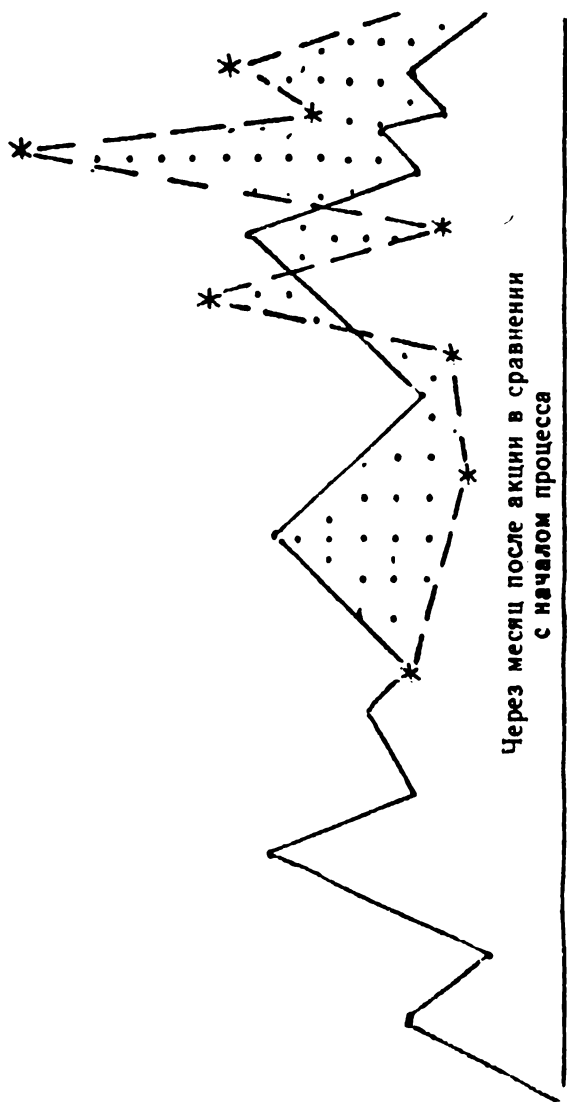

Рис. 2 (продолжение)

Через месяц после акции в сравнении
с началом процесса

Рис. 2 (продолжение)

Политическая активность
(мощность спектральной линии)

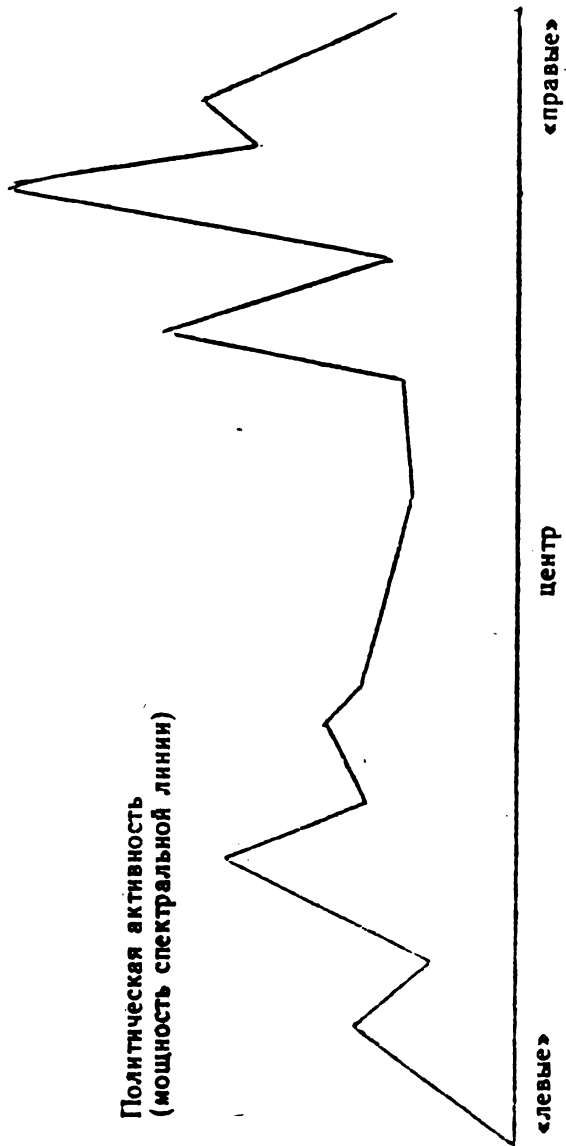
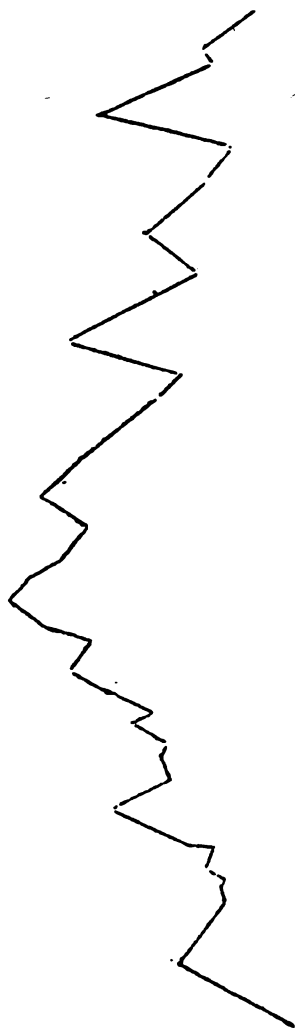

Рис. 3

Путч № 2
«Самогаснувшие» провокации + истерики СМИ

Спектр политического процесса в момент акции

«левые» центр «правые»

Рис. 3 (продолжение)

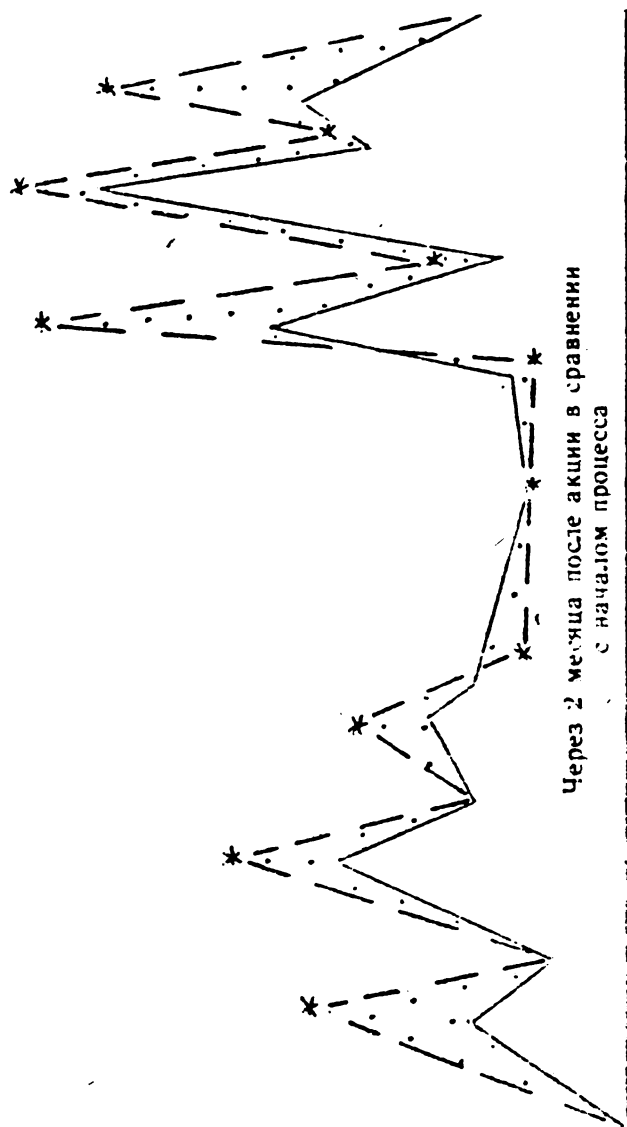

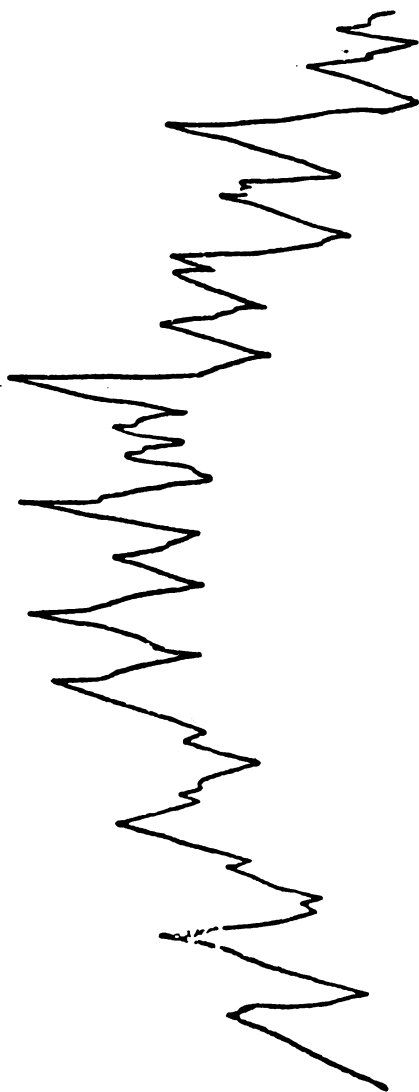
Рис. 3 (продолжение)

Политическая активность
(мощность спектральной линии)

«справду»

Путч № 3

Инспирированные социальные взрывы «снизу» +
локальные подавления + морально-психологический
террор.

Спектр политического процесса в момент акции

«правые»

центр

Рис. 4 (продолжение)

«левые»

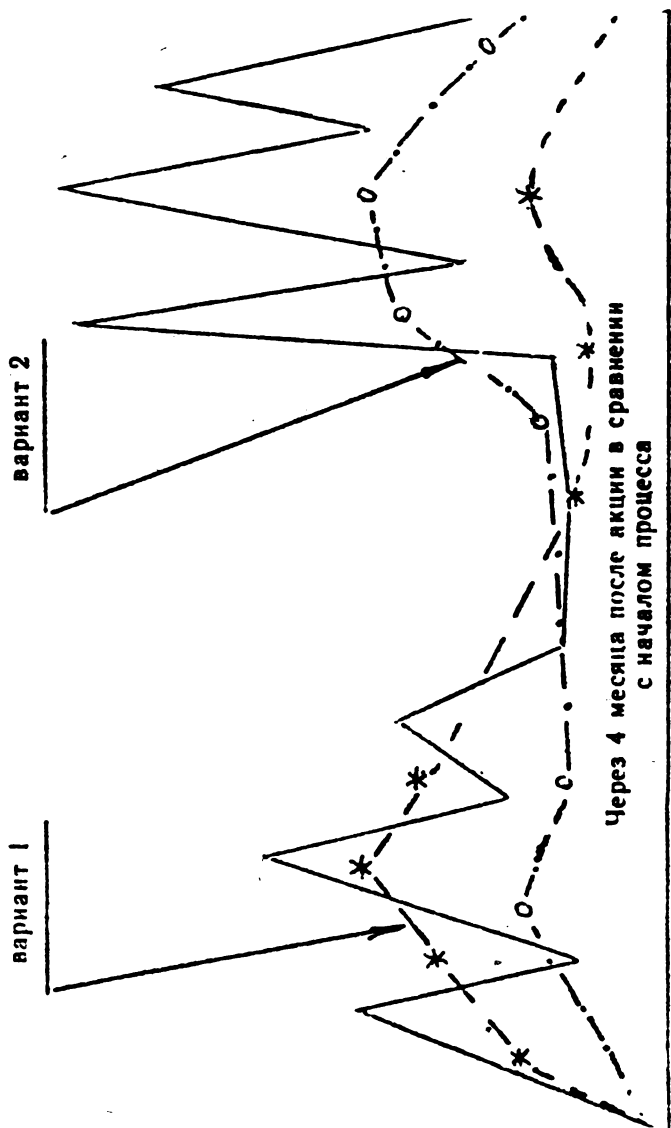

Рис. 4 (продолжение)

Политическая активность
(мощность спектральной линии)

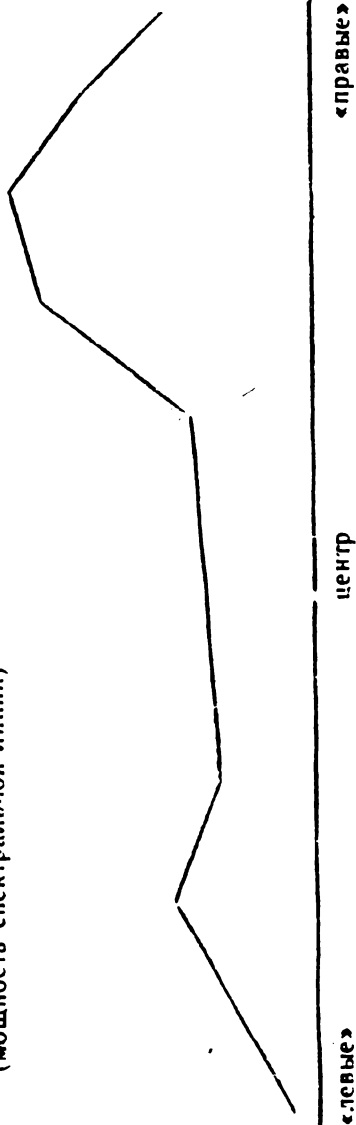

Рис. 5

Путч № 4
«/ворцовый» псевдо-переворот. ГКЧП РСФСР.
Широкие репрессии + морально-психологический террор

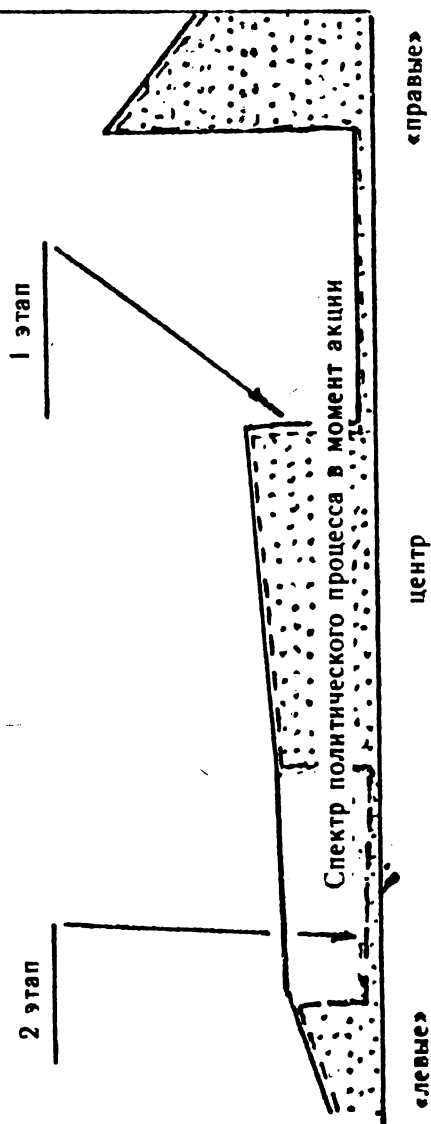

Рис. 5 (продолжение)

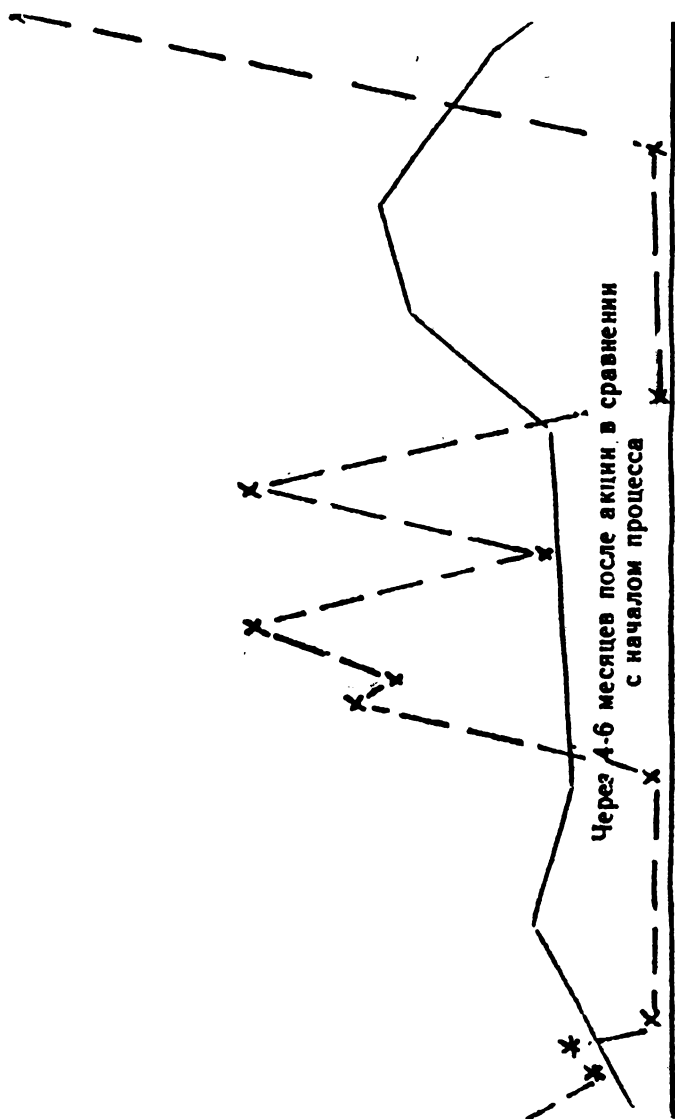

Рис. 5 (продолжение)

Политическая активность
(мощность спектральной линии)

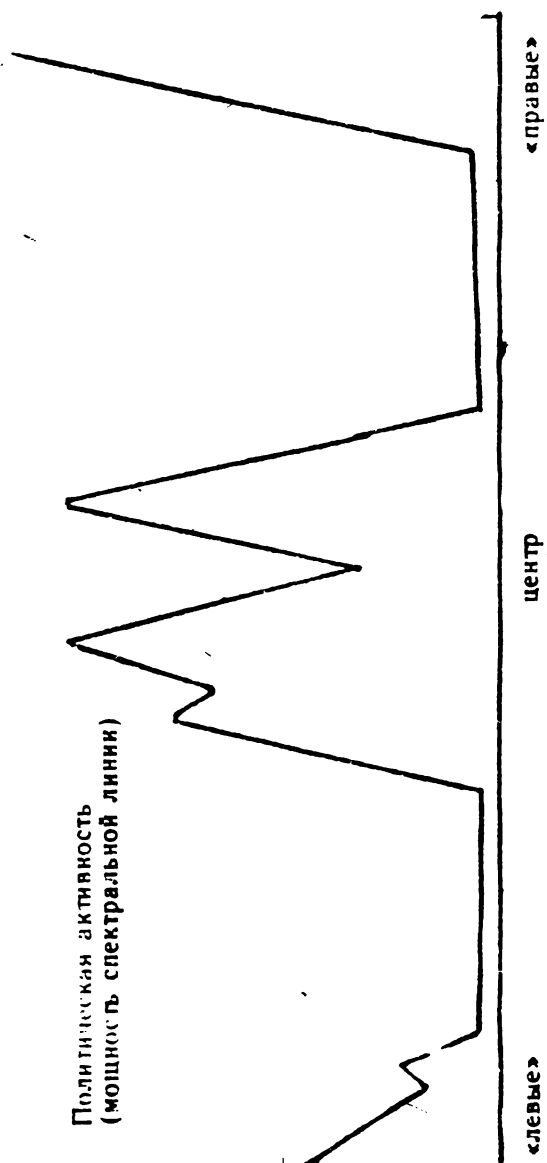

Рис. 6

Путь № 5 — № 6
Дефектная передача власти после трансформации
политического спектра или же сразу на «первом шаге».

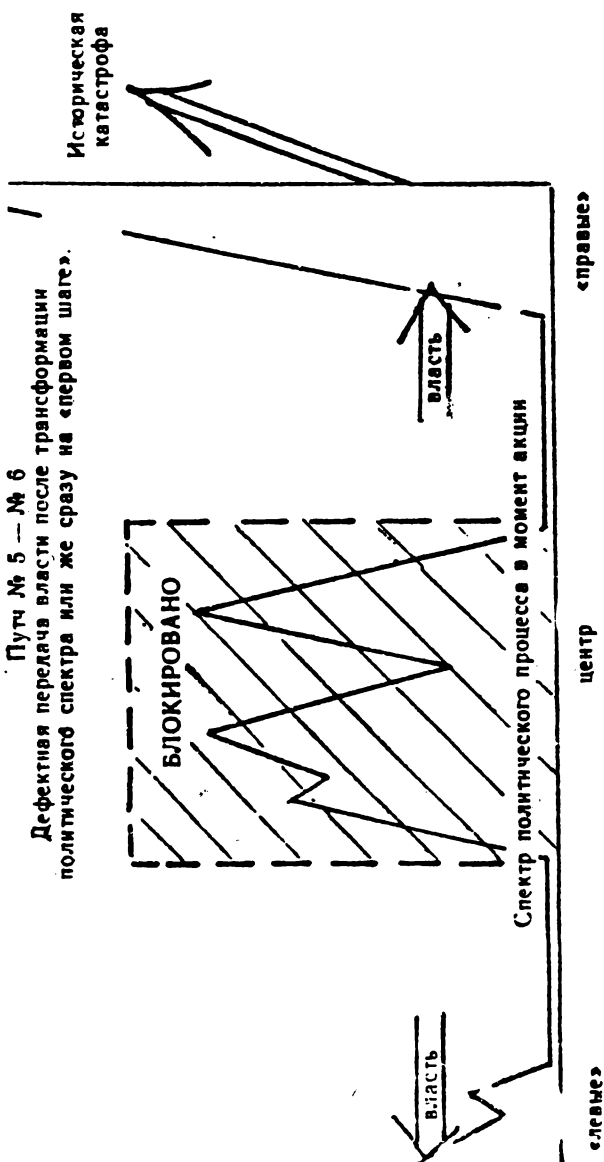

Рис. 6 (продолжение)

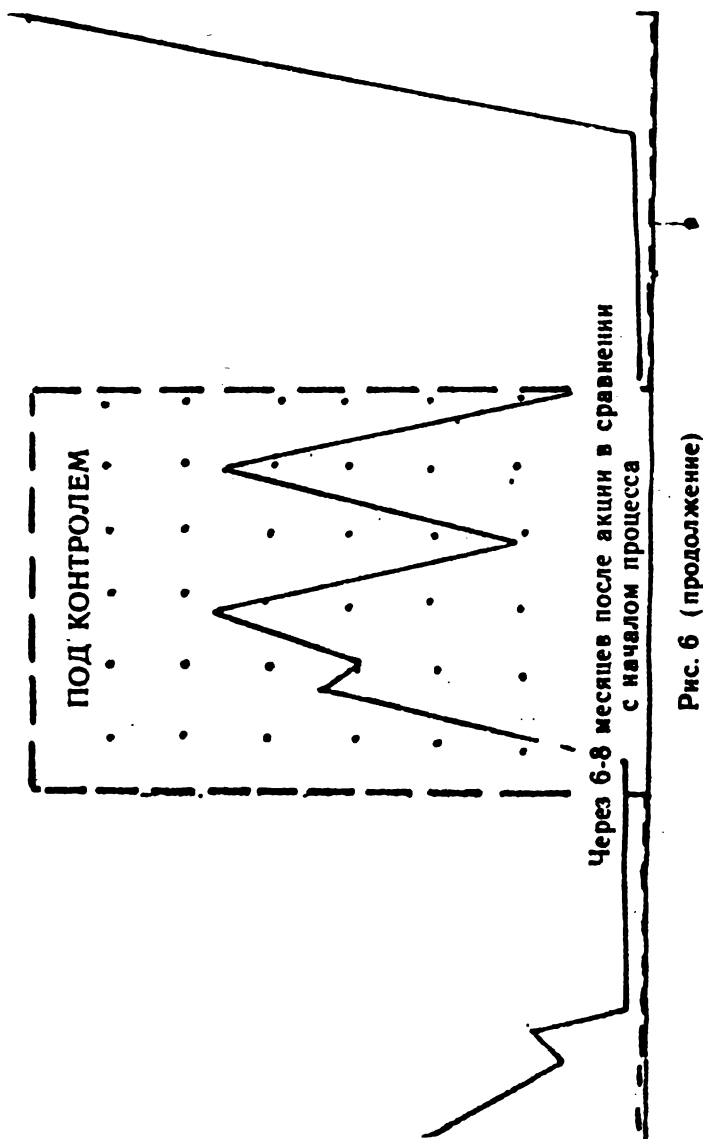

Рис. 6 (продолжение)

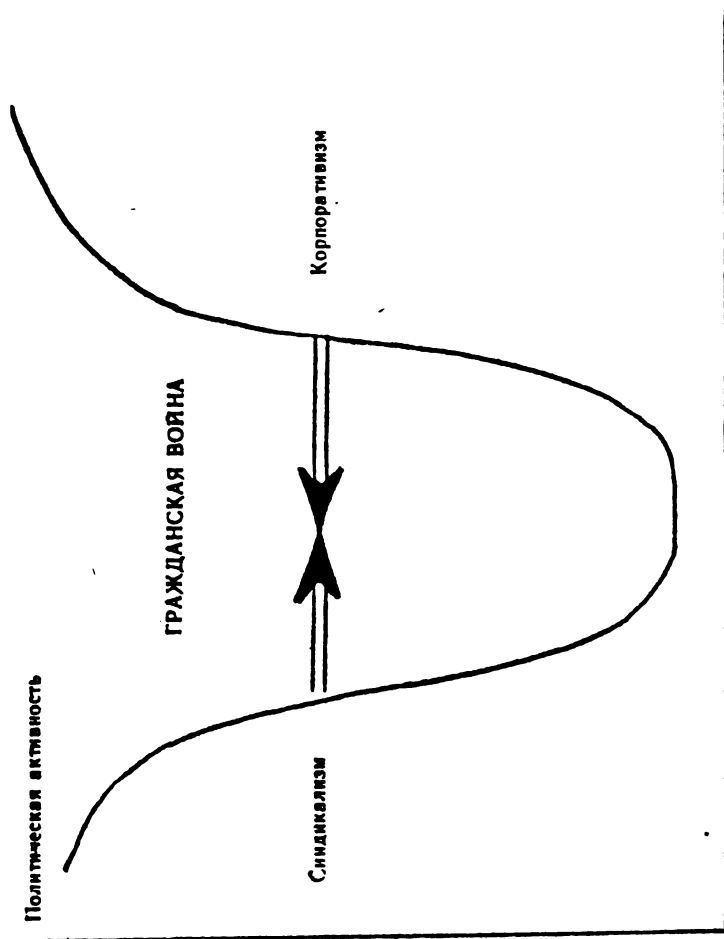

Рис. 7

Фактор седьмой. Процесс становления национальной буржуазии. Этот процесс, запущенный в 1989 году, на сегодняшний день во многом стал необратимым. В этом смысле перспективы развития страны на ближайшие десятилетия могут быть рассмотрены всерьез лишь с учетом этого нового фактора. В ближайшее время в экономическую игру окажутся включенными все структуры военно-промышленного комплекса, которые до сих пор считали, что их не коснутся перипетии политической борьбы. Выйдя на рынок, они подчинят его своим установкам и во многом впервые станут действующей политической силой. Это, в свою очередь, поставит вопрос об ориентации нового предпринимательского класса. Поскольку единство ориентации исключается, то можно будет говорить о сложно построенной борьбе классов и группировок. В ходе этой борьбы произойдет дополнительная перегруппировка сил, причем эта перегруппировка будет осуществляться в сложном поле международных воздействий. Какой-либо монополизм, контроль за этим процессом со стороны только одной из международных сил, сколь велика бы эта сила ни была и чьи бы интересы ни представляла — **нами исключается.**

Таким образом на повестку дня уже встает вопрос о такого рода противоречиях, которые по сути своей близки к эпохе коллективизации, когда вопрос о будущем был поставлен и решен за счет истребления прошлого. Те силы, которые будут представлять суперсовременные технологии, находясь в тесной связи с мировым рынком, постараются подавить собственное индустриальное потенциальное автохтонное происхождение. В роли «крестьян», по отношению к которым может быть осуществлена поголовная «коллективизация», в новых исторических условиях выступят лидеры тяжелой промышленности, часть лидеров машиностроения, часть представителей сырьевых и добывающих отраслей. Предметом борьбы станет энергия, сырьевые квоты, тарифы, цены, внешнеэкономическая деятельность, финансовая политика, и главное, борьба за сферы влияния, за право на патронаж по отношению к тем или иным регионам и территориям. По сути, речь будет идти о месте под Солнцем. То, что

этого места не хватит на всех, то, что интересы будут антагонистическими, то, что тип новой буржуазии контролировать извне уже не удастся, — для нас достаточно очевидно. А значит, рано или поздно конфликт примет самые грубые формы и разрешится лишь по принципу «либо-либо».

Сочетание этой борьбы буржуазий с неизбежными массовыми движениями протеста, которые вряд ли удастся насильственно подавить, вызовет новую расстановку политических сил. Самым опасным в этой расстановке будет то, что, обостряя идеологическую борьбу, она рано или поздно приведет к уничтожению центризма, всех стабилизаторов и примирителей и вызовет в итоге действительное становление двух партий, двух суперсил — левого альянса с синдикалистской ориентацией, с одной стороны, и правого альянса с профашистской ориентацией — с другой стороны. Если все разговоры о двухпартийной системе имели под собой подобную подоплеку, тогда мы действительно идем к становлению двухпартийной системы, системы двух непримиримо враждующих партий, а значит, мы идем либо к самоубийственному террору, либо к самоубийственной гражданской войне и, в любом случае, — к самоубийству.

. Краткие выводы

Нам угрожают, следующие основные опасности.

Это, во-первых, угроза с Юга, обострение русско-тюркского, православно-исламского противостояния. Если этого не снять, то уже одно это приведет к историческому самоубийству. Пока что противостояние нарастает, и не без поддержки со стороны власть имущих.

Это, во-вторых, социально-экономическое бедствие, вызванное потерей управляемости народно-хозяйственным комплексом, обострением противоречий между городом и деревней, бедными и богатыми, регионами промышленного производства и сырьевыми регионами и т.д.

Это, в-третьих, безвластие, отсутствие своей стратегии исторического развития, а значит, полная подчиненность чужой стратегии, отсутствие нового языка, новых символов и идей, способных лечь в основу нынешнего этапа государственного строительства. Тот, кто не имеет своей идеи, неизбежно будет реализовывать чужие, возможно

губительные для него. Это аксиома геополитики.

Это, в-четвертых, опасность истощения отечественной элиты в ходе манипулятивных игр по модели псевдопутчизма.

И наконец, это, в-пятых, — окончательная патологизация национальной буржуазии, с одной стороны, пролетариата и левой интеллигенции — с другой стороны, и их взаимная конфронтация. Исходя из этих опасностей, мы можем наметить контуры той геополитической доктрины, которая в наибольшей степени способна эти опасности предотвратить. Поскольку они реальны, как мы показали выше, и, судя по всему, носят долговременный характер, то предусмотрев их, можно минимизировать катастрофу и наметить пути, весьма далекие от оптимальных, но все же обрисовывающие, на наш взгляд, приемлемые контуры российского будущего.

Часть II. ВОСКРЕШЕНИЕ РОССИИ

Мы сознаем, что предлагаемая нами модель не идеальна. Мы сами воспринимаем ее как наименьшее из возможных зол. Мы заявляем, что готовы присоединиться к любой другой концепции существования России в XXI столетии, коль скоро эта концепция не снимает ее историческую субъектность. Но мы не видим концепций, которые, с одной стороны, учитывали бы распад России как уже почти состоявшийся факт и, с другой стороны, говорили бы о путях ее воскрешения. Всех, кто будет упрекать нас за недемократичность подобной концепции, мы просим предложить нам другую, более приемлемую для общества. Мы напоминаем также о том, что отнюдь не мы являемся творцами того хаоса, который не может иметь своим итогом того демократического комфорта, который нам желанен ничуть не меньше, чем нашим политическим оппонентам.

Еще раз — мы рисуем не свой идеал, а ту минимально катастрофическую реальность, которая возможна после всего, что случилось и оставляет при этом России историческую субъектность. Речь идет, таким образом, о политическом прагматизме, а не о разрисовке красивых утопий. Итак.

Утверждение первое

Исходя из сложившейся расстановки сил и ближайших, а также долговременных геополитических перспектив, Россия должна, как с точки зрения идеологии, так и с точки зрения геостратегии, геополитики, искать свое место по преимуществу в Азии. В этом нет ничего сверхтрагического для страны, поскольку достойного места в Европе она уже лишена и может восстановить его лишь ценой несоизмеримой с достигнутым после оплаты издержек — историческим результатом. На повестке дня, таким образом, даже не просто евразийство, как это говорилось в начале века, а азиоевропеизм, установление нового внутреннего баланса с акцентом на азиатскую его компоненту. Эта стратегия, безусловно, является в концептуальном плане своего рода альтернативной минской встрече, поскольку речь идет, во-первых, о поисках

центра тяжести внутри самой России и уже после определения этого центра тяжести — выхода России в пространство тех или иных внешних союзов.

Во-вторых, речь идет о том, чтобы ни в коем случае не потерять Азию, ни в коем случае не оказаться сжатым между двух сил — между Азией и Европой — в условиях, когда Россия слабее, чем когда-либо, а эти две силы сильны, как никогда ранее. Это было бы и геополитическим и геостратегическим крушением России. Потери в Европе — еще не конец российской истории, потери в Азии — это конец всего.

Утверждение второе

Россия сегодня загипнотизирована вестоцентризмом. Она молится Западу. В ответ на это она получит лишь право кормить своих западных соседей, от Болгарии, Венгрии и Польши до Прибалтики и Румынии. Она получит размытую границу на западе, но вовсе не защиту ее геополитических интересов. Напротив, в сегодняшней ситуации она получит друзей-врагов, как уже не раз получала в истории. Эти «друзья» будут брать заказ своего старшего брата на Западе на подавление, демпфирование русской угрозы и питаться крохами этого политического заказа. Эти «друзья» станут эксплуатировать экономические возможности России в обмен на более чем сомнительную политическую лояльность. Слабых не любят — ни на Западе, ни на Востоке. А развернуть свои потенциалы — духовный, идейный, интеллектуальный, смысловой, культурный — на Запад Россия сейчас не сможет. Ей придется вначале в мучительных коллизиях обретать заново самое себя. Восток уже не раз помогал в этом России. Сейчас он может это сделать в очередной раз, но лимит исторического времени на пределе. Пока что Россия еще может выбрать — каким ей быть Востоком; Востоком Ксеркса или Христа. Завтра она уже должна будет подчиняться чужому выбору. Таким образом задача исторической важности — снять вестоцентризм, оставаясь не только лояльными, но и благорасположенными Западу, Европе, ценностям либерального мира. Но самоопределяясь в другой системе координат. Это сегодня стало исторической неизбежностью. И чем

скорее мы ее осознаем в качестве таковой, чем скорее откажемся от иллюзий, тем более безболезненным будет наш путь.

Россия должна вернуться к идеям «Солнца, восходящего на Востоке», к идеям «духовного света», который может вывести народ из лабиринта истории, к идеям «тонкой реальности», составляющей скрытую сущность человека. Эти идеи сегодня уже восприняты Западом, и, отказавшись от них, Россия рискует «стать правовернее Господа». Рискует выпасть из исторического процесса, а не догнать его. Наоборот, ища для себя опору в Карамзине, в философии Лермонтова и Пушкина (последние годы жизни), Ивана Аксакова, Данилевского, Самарина, Константина Леонтьева, — Россия вновь обретает сначала себя, а потом и других. Здесь следует вспомнить слова Константина Леонтьева: «Историческая связь наша с Востоком... до того жизненна, до того глубока, что всякое непонимание наше, всякое неведение может со временем, если не сейчас, отозваться вредно сперва на внешней деятельности наций, а потом и на внутренних наших делах». Судьбоносную роль Азии в духовном развитии России видел Достоевский. Он утверждал: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии... в Азии может быть больше наших надежд, чем в Европе... а между тем Азия — да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем — опять восклицаю я».

Россия следует вновь взглянуть в труды Владимира Соловьева, особенно в той их части, где он размышляет о возможности преодоления христианского платонизма и азиатского квиетизма в новом синтезе. Проблема безбожного человечества на Западе и бесчеловечного божества на Востоке разрешится рано или поздно в российском синтезе. Вот мысль Соловьева, которая для нас сегодня актуальна как никогда. Разрешая это противостояние, мы должны учесть достижения Востока, который оказался совсем не так неподвижен, как это казалось в конце XIX — начале XX века. Следует упомянуть также и работы Петра Савицкого, Георгия Вернадского, Георгия Флоровского, Льва Карсавина, Николая Трубецкого, — ключевых теоретиков евразийства. Эти труды должны учитываться с коррекцией на современную ситуа-

цию, которая потребует еще более сильных акцентов на переориентацию России в сторону Азии.

Утверждение третье

С учетом процессов, происходящих в Европе, Россия сегодня может и имеет право выступить с концепцией Срединной Евразии, в противовес Евразии ойкуменической. Именно эти две альтернативы должны быть рассмотрены нами как можно подробнее и в результате выявлено объективное сегодняшнее содержание разумного культурно-либерализованного срединного евразийства. Здесь важно обратить серьезное внимание на гипотезу Рериха о существовании в древние времена единой индославянской цивилизации и культуры, в дальнейшем расколотой надвое, а также на духовный опыт Сергия Радонежского, Серафима Саровского и других православных мистиков, равно как и мистиков различных восточных школ.

Утверждение четвертое

В противовес минским соглашениям и как бы заостряя альтернативность наших идей идеям прильнувшего к Западной Европе союза славянских варваров, мы предлагаем смещение столицы Российского государства не на Запад (Минск), а на Восток. В условиях перехода России на позиции держателя Срединной Евразии, в условиях, когда ее взгляд должен обернуться на Восток, в условиях, когда договоренность с Востоком, обнаружение духовной и политической близости с ним становятся важными как никогда, столица могла бы оказаться перенесенной на Урал, который в новой геополитической ситуации становится стержнем Срединной Евразии, ее политическим и духовным хребтом. Разумеется такой перенос не мог бы быть одномоментным и, разумеется, он должен был бы быть исторически, религиозно и культурно обоснованным. С этой точки зрения самый серьезный интерес сегодня приобретают исследования по истории древнего Урала, как центра древней Арктиды, цивилизации, породившей как культуру России, так и культуру других восточных народов, как центра нашей общей прародины.

Утверждение пятое

Переходя от идей к возможным вариантам государственного и общественного строительства, мы могли бы рассмотреть, во-первых, гуманистические возможности синтеза корпоративных и синдикалистских структур в обществе, как пути к преодолению гражданской войны, рано или поздно неизбежной в условиях непримиримости левого и правого альянсов, которые неминуемо будут сформированы в ходе обострения политической, социальной, духовной напряженности. Которые, по сути дела, уже формируются на наших глазах. Эта роковая неизбежность, связанная с типом политического процесса, может быть скорректирована в ходе общей работы над концепцией постиндустриального гуманистического общества и государства и, главное, в ходе совместного претворения этой концепции в жизнь. Современный тип западного постиндустриального общества по сути разрывает технологию и культуру как две сферы жизнедеятельности общества, снимая тем самым логосферу и по сути лишая человеческую жизнь вселенского смысла, уплощая или ликвидируя ее космическое измерение. Тот тип постиндустриального общества и государства, который смогла бы построить Россия, — принципиально иной. И в этом смысле Россия сохраняет ту роль духовного строителя, инициатора новых идей и смыслов, которая ей отведена и которую отнять у нее можно лишь вместе с жизнью. Думается, что разработка доктрины должна лежать в том «пентаэдре», который очерчен сделанными выше утверждениями относительно концепции Срединной Евразии. **Другого выхода — не видно.** И вряд ли он возникнет в исторически обозримое время.

РОССИЯ И МИР

Доклад, прочитанный на заседании
клуба «Постперестройка» 23.12.91 г.

Часть I. КОНСЕНСУС ВО ЛЖИ.

Меняются имена политических лидеров. Меняются предлагаемые ими «программы переустройства». Меняются названия политических партий. Меняются названия государства, в котором мы все проживаем. Меняются «цели и ценности». Как в калейдоскопе мелькают «исторические свершения», «беспрецедентные события», «великие завоевания». Мелькают с тем, чтобы исчезнуть на следующий же день, не оставив и следа в человеческой памяти.

Что же остается неизменным на протяжении всех последних лет? И можно ли вообще выделить «сухой остаток» того, что с нами произошло? Можно ли найти такую простую формулу, которая разделялась бы всеми действующими лицами исторического процесса? Можно ли выявить такое историческое заблуждение, которое бы объединяло народ и его правителей, «отцов и детей», диссидентов и правоохранителей?

Короче — существует ли пресловутый «консенсус»?

Легче всего, конечно, объявить, что его нет. Но то, что происходит на наших глазах, опровергает подобное заявление. Худо-бедно, но общество «скреплено». Чем? . . . — **Общей ложью.** Консенсус существует, но это консенсус во лжи. А раз так, то его безусловно придется разрушить.

Какая же ложь сплотила общество и двигает его в очередной «котлован»? Почему вопреки очевидности общество упорно не реагирует сколь-нибудь адекватно на то, что с ним происходит, и чего оно не может не замечать? Что «застит глаза» всем, от мала до велика, от академика до «простого рабочего»?

И коль скоро такая фундаментальная ложь существует, то она должна обладать целым рядом свойств, делающих ее воздействие столь мощным и всеохватывающим.

Попытаемся выделить эти свойства.

Во-первых, подобная ложь должна быть ложью простой и компактной».

Во-вторых, она должна восприниматься как нечто самоочевидное, иметь устойчивый статус истины, быть ложью крайне правдоподобной».

В-третьих, она должна «иметь почву», должна опираться на культурно-исторические стереотипы, то есть быть ложью традиционной».

В-четвертых, она должна быть ложью революционной, быть неким утверждением, которое хотя и самоочевидно, хотя и обладает статусом истины для большинства, но вдобавок к этому еще и (о, ужас!) «запрещено» в силу своей несовместимости с «суевериями», проповедуемыми «отсталой, злобной, дряхлой Идеологией». Идеологией, требующей демонтажа в кратчайшие сроки «революционными методами» в силу того, что она, эта Идеология, так сказать, «затмевает свет истины и прогресса».

В-пятых, такая ложь должна быть ложью саморазвивающейся, способной эволюционировать, приспосабливаться к требованиям меняющейся под ее воздействием политической ситуации.

В-шестых, она должна быть ложью вдохновляющей, открывающей «светлые перспективы».

В-седьмых, она должна быть ложью воинствующей, позволяющей сплотиться против «темных сил», которые «гнетут» так «злобно», как никогда ранее.

В-восьмых, эта ложь должна быть ложью практичной, технологичной в том смысле, в каком дубина «технологичнее» компьютера, прагматичной в том смысле, в каком Наставление по автомату Калашникова «прагматичнее» Нагорной проповеди.

В-девятых, эта ложь должна быть ложью удобной, обеспечивающей моральный и психологический комфорт для тех, кто ее исповедует.

И наконец, **в-десятых**, эта ложь должна обязательно быть ложью кумулятивной, ложью, порождающей цепную реакцию, приводящей в действие «принцип домино», одним ударом включая механизм тотального обрушения.

Можем ли мы вычленить такую ложь во всем, что происходило и происходит? Безусловно, поскольку весь процесс, при всем его кажущемся разнообразии, может

быть сведен к одной единственной фразе. А именно: «У НИХ ВСЕ ХОРОШО, У НАС — ВСЕ УЖАСНО, ДАВАЙТЕ СДЕЛАЕМ ТАК, КАК У НИХ, И БУДЕТ ТАК ЖЕ ХОРОШО, КАК У НИХ». Вот и все, чем оперировала и продолжает оперировать наша новая идеология, наша новая мифология в противовес идеологии и мифологии предшествующего периода.

Мы утверждаем, что нет ни одного высказывания советских политиков, ни одного политического действия, ни одного закона из принятых в последнее десятилетие, которые не вписывались бы в эту фразу, в это, казалось бы, столь тривиальное и столь ложное по сути высказывание.

Но в начале мы предлагаем проверить, удовлетворяет ли оно приведенным выше десяти свойствам, то есть

Первое. Является ли подобное высказывание «простым и компактным»? — Куда уж компактнее и проще!

Второе. Обладает ли оно статусом истины? Является ли ложью «крайне правдоподобной»? — Безусловно, и для подавляющего большинства населения.

Третье. Является ли оно «традиционным», имеет ли оно «почву»? — Да, безусловно, и не только в советском периоде.

Четвертое. «Революционно» ли такое утверждение? Куда уж там, особенно если учесть ту дебильную активность когорты воинствующих кретининов, которые орали на каждом углу, что «там», де мол, «все ужасно», а «у нас» — «все замечательно». Имея своими предшественниками подобных идиотов и провокаторов, новые «идеологи» могли с успехом играть роль «революционеров». Причем — с минимальным для себя риском.

Пятое. Является ли такое высказывание «ложью саморазвивающейся»? — Безусловно. Поскольку можно бесконечно менять образ тех, у кого «хорошо», можно бесконечно варьировать аргументы по части того, насколько именно у нас «плохо» и, главное, можно предлагать рецепты «выздоровления» в полном соответствии со старым «еврейским» анекдотом, представляющим нам столь методологически важным, что мы позволим себе здесь его полностью процитировать.

Итак, приходит еврей к раввину и говорит: «Ребе, у меня куры дохнут». Раввин его спрашивает: «А как ты сыплешь им корм?» Тот ему отвечает: «Просто — беру

и сыплю». — «А ты сыпь по квадрату и заиди ко мне через несколько дней». Через несколько дней тот ~~зал~~ дит. — «Ну как?» — «Дохнут, ребе!» — «Ну тогда сыпь по кругу и приходи еще через несколько дней». Приходит. «Ну как?» — «Снова дохнут». — «Ну тогда сыпь по треугольнику». Через несколько дней еврей приходит. «Ну как?» — «Ребе, все куры сдохли». «Жаль, — отвечает раввин, — у меня еще было столько возможных рецептов!»

Подобное «саморазвитие» от «квадрата» к «кругу» и от «круга» к «треугольнику» должно быть знакомо каждому, кто изучает историю экономических реформ последнего шестилетия.

Другой принцип «саморазвития», применяемый не менее активно, адресует нас к известной сказке о Солдате, который варил «суп из топора». В силу ее общеизвестности мы не будем приводить эту сказку, а ограничимся лишь этапами «варения» подобного «супа» в период «перестройки».

Как мы помним, в начале нам нужно было сделать нашу экономику «восприимчивой к научно-техническому прогрессу». Но это в свою очередь, нельзя было сделать, не «насытив рынок товарами» («ускорение»), но это, в свою очередь, нельзя было сделать, не «перейдя на рыночную модель» («перестройка»), но это, в свою очередь, было невозможно без «гласности», «демократизации» и «реформы политической системы», но это, в свою очередь, нельзя было сделать без «национального самоопределения», но это, в свою очередь, нельзя сделать без «суверенитетов», но и «суверенитет» потребовал «реформы нашего государства, но «наше государство» нельзя было «реформировать» в условиях «демократии и гласности» ни во что иное, кроме как в Союз государств. Но Союз государств неизбежно превращается в «государства без Союза». Но эти государства... Одним словом — топор есть, а супа не получается... А то, что получается, — малосъедобно и страшно далеко от первоначальных целей, поскольку нет ни науки, ни производства, да и целей, по-моему, тоже уже нет.

А были ли они изначально? Или была лишь «саморазвивающаяся ложь»? Но продолжим.

Шестое. Является ли рассматриваемое утверждение «ложью вдохновляющей»? Разумеется! Ибо до сих пор нам сулят «золотые горы» и «молочные реки с кисельными берегами», как только начнут действовать «дремлющие силы рынка». Ни «золота», ни молока, ни киселя — нет и в помине. Однако, «вдохновение» еще изредка наблюдается, правда принимает все более гротескные формы.

Седьмое. Является ли данное утверждение «ложью воинствующей»? Куда уж там! Уже Феликса «скинули»!

Восьмое. Является ли оно «ложью практичной»? Еще бы! Сколько «указов» напринимали! И все уж такие «практичные», такие «прагматичные», дальше некуда... Опять же — бери любое западное «Пособие», любую инструкцию международных организаций, переводы на русский язык, ставь везде вместо «Замбия» или «Того» — «СССР» или «Россия» — и назови это «Программой нового правительства новой суверенной страны». Работа, прямо скажем, «не бей лежачего»... И хорошо знакомая по семидесятым годам по критике «буржуазных теорий». Тогда — осуждали, теперь — восхваляем. Но самое-то главное — что и тогда, и теперь, не напрягаясь, львиную часть своих, якобы «самостоятельных» трудов, просто списываем напропалую, проявляя при этом в лучшем случае «борзую хватку» и знание языка, а в худшем — лишь способность воровать. Ну куда как удобно!

Так что **девятый** признак тоже налицо. Опять-таки, народу удобно. Есть, во что верить. Верили, верим и будем верить... На том стоим... Почему «стоим», кстати? Да и «стоим» ли? То ли «летим», то ли «лежим»?.. А-а, не все ли равно... Главное, что нам **УДОБНО** считать, что мы «крепко стоим на двух ногах», что мы «возрастаем», «наращиваем», «возрождаем». А то, что реальность — другая, так ведь реальность — всегда «неудобна». Всю жизнь мы не идеологию исправляли, приводя ее в соответствие с реальностью, а реальность «усекали», информацию о реальности искажали в соответствии с идеологией.

Удобно нам дальше продолжать делать то же самое? — Куда как удобно!

И наконец, о **десятом** свойстве. Является ли данное утверждение ложью, порождающей цепную реакцию? — Безусловно! Оно «выдергивает идеологию», как стержень,

на котором держалась вся конструкция государства и общества, ту самую коммунистическую идеологию, которая хоть и «ретроградна» была, хоть и мракобесна до крайности, но в плане системно функциональном играла роль «общего поля». Говорят, что это неверно, когда идеология играет роль «общего поля». Конечно, неверно, подтвердим мы. Ну и что?

Говорят, что у нас общество стояло «на голове», а надо, де мол, его «поставить на ноги». Конечно, надо было бы, — соглашаемся мы. Но ведь сделано-то было совсем другое.

Обидевшись на то, что общество «стояло, опираясь не на тот орган», ему этот «орган» просто взяли и «отрубили», чтоб неповадно было. Потом труп... то бишь «обновленное общество» стали «ставить на ножки», а они-то — не держат!..

К чему бы это?... Вроде все «сделали», а результат...?

Итак, мы разобрали характерные свойства фундаментальной лжи, ставшей основой перестроечного процесса, мы выявили некое «простое высказывание», которое могло бы претендовать на статус фундаментальной лжи, и наконец, мы сопоставили это высказывание с десятью свойствами, характеризующими фундаментальную ложь.

Доказали ли мы тем самым, что именно это высказывание и есть фундаментальная ложь перестройки? — Ничуть.

Мы лишь доказали, что если это высказывание — ложно, то оно может претендовать на статус фундаментальной лжи. Но ложно ли оно? И если да, то что именно в нем ложно. Об этом мы пока еще не говорили. А это — самый принципиальный момент, требующий детального рассмотрения. К чему мы и переходим.

Часть 2.
**ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЛОЖЬ ПЕРЕСТРОЙКИ
И НЕ ТОЛЬКО ЕЕ.**

Еще раз приведем основное высказывание, выдвинутое нами на роль фундаментальной лжи.

Оно звучит так: «У НИХ — ВСЕ ХОРОШО, У НАС — ВСЕ УЖАСНО, ДАВАЙТЕ, СДЕЛАЕМ ТАК, КАК У НИХ, И БУДЕТ — ТАК ЖЕ ХОРОШО, КАК У НИХ».

Что, собственно говоря, здесь лживого? Может быть нам тоже застит глаза мракобесие, и мы обвиняем во лживости самоочевидное утверждение?

Для того, чтобы проверить самих себя и отделить собственное предпочтение то того, что более или менее может претендовать на объективность, мы проведем структурно-функциональный анализ самой этой фразы, выделив все заложенные в ней противоречия.

Итак, первое. «У НИХ — ВСЕ ХОРОШО»... Возникает вопрос: где «у них»? У них, в Швеции? У них, в США? У них, в Колумбии? У них, в Судане? В Того? В Зимбабве?

Принципиально важным представляется это уточнение прежде всего потому, что расчленив понятие «они», стратифицируя его, мы тем самым подводим черту под идеей вхождения в мировую цивилизацию, как в некое целое, и заменяем этот спекулятивный подход, эту общую и пустую фразу конкретным, политическим вопросом о том, в какую часть мирового сообщества мы можем войти или точнее, (несколько опережая ход логического разбора) куда нас «впустят»? Ибо, дифференцируя мировое сообщество, рассматривая его не в мифологическом ключе, унаследованном от советского периода («Они» и «Мы»), изменяя не только знак мифологемы, как это делают наши оппоненты, но и снимая мифологему в принципе, мы тем самым открываем дорогу нормальному рациональному подходу. Не более того, но и не менее. Мы тем самым рассматриваем взаимодействие элементов сложной построенной мировой системы с элементами нашей системы, переживающей острый кризис.

Смешным и унаследованным от предшествующего периода представляется нам упование на то, что уж коль скоро мы начнем «к ним туда входить», в их «Гостиницу», то только «в номер-люкс». Полноте!..

Для нас там таких возможностей никто предоставлять не хочет и не может. Там и без нас тесно. Там, по словам поэта, «пряников сладких никак не хватает на всех». А делиться «пряниками», особенно с грязными попрошайками, там не принято. И в общем-то, их в этом можно понять.

Еще более трогательным, еще более наивным представляется нам то, что само понятие «у них» воспринимается общественным сознанием советского типа как некая целостность. Мы видим в этом наследие эпохи «железного занавеса», эпохи, хорошо описанной Твардовским в поэме «Теркин на том свете», где «только для загробактива, по особым пропускам» позволяют из нашего «того света» посмотреть в стереотрубу на «ихний».

Что же видят «там» «загробактивисты»? Естественно, лишь то, что их наиболее возбуждает: «...и такие, брат, мамзели, то есть просто нагишом»... Твардовский хохмит. «Загробактивист» конца семидесятых годов — восхищается. «Загробактивист» перестройки — делает все возможное, чтобы восхитить этим все советское общество. А поскольку это общество привычно возбуждается по команде сверху, то результат — налицо.

Таким образом, мы переходим ко второму вопросу.

Второй вопрос — адресуется нами все к тому же понятию «у них», но уже не в структурно-функциональном, не, образно говоря, в «пространственном» аспекте этого понятия (этой мифологемы), а в аспекте временном. У них-все хорошо сейчас. Предположим. У них — все будет еще лучше завтра. И это мы пока что не будем оспаривать.

Но все же хотелось бы конкретизировать — какое «их» общество мы начинаем моделировать для себя сегодня. Если «их — сегодняшнее», тогда к тому моменту, когда мы его построим, «они» окажутся уже совершенно в иной точке. По этому поводу необходимо сделать соответствующие «уточнения». Причем, «уточнения», на наш взгляд, настолько серьезные, что после того, как они будут сделаны, можно будет уже не продолжать анализ «фразы-мифа», признав за ней статус лжи, а с учетом того, что было сказано ранее — именно «лжи фундаментальной», основы и стержня деструкции.

Итак, предположим, что их общество развивалось по траектории В — В¹ (см. рис. 1), а наше общество — по

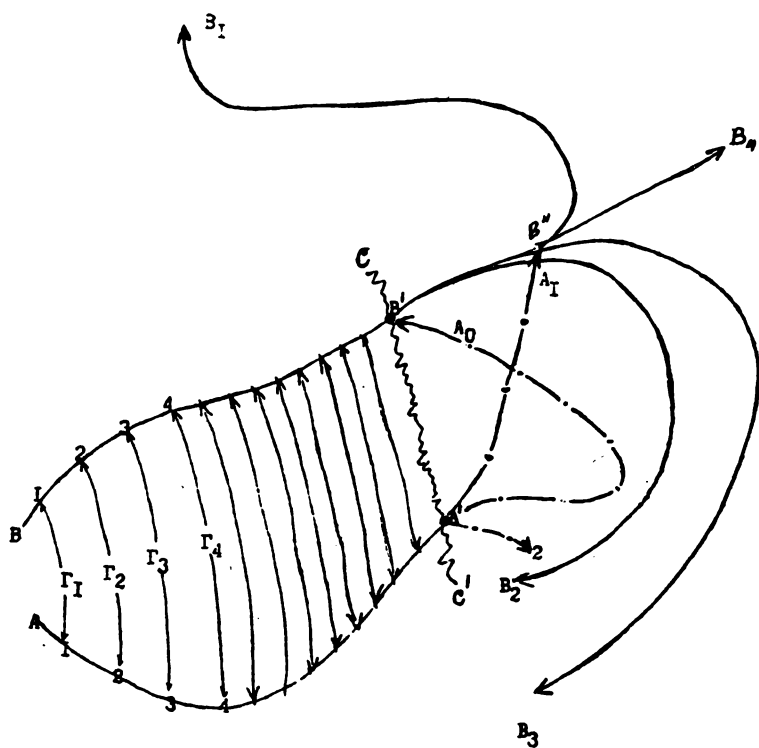

Рис. 1

траектории $A - A^1$. Предположим, что исторический результат B^1 , достигнутый ими — хорош, а исторический результат, достигнутый нами — A^1 — плох. Вместе с тем, мы знаем, что на разных этапах исторического развития между ними и нами расстояния были различными, что и показано на рисунке. На этапах 1, 2, 3, 4 и далее расстояния между ними и нами были — $\Gamma_1, \Gamma_2, \Gamma_3, \Gamma_4$ и так далее.

Что здесь важно определить? Прежде всего то, что ни мы, ни они не были ни в один из моментов времени ни в «аду», ни в «раю», а развивались с конкретными историческими издержками при конкретном историческом результате. В этом смысле задача рисунка, прежде всего, демифологизировать утверждение о том, что «у них — хорошо, а у нас — плохо». Причем такая демифологизация отличается от политической и идеологической дискуссии тем, что не стремится вести спор по поводу понятий «плохо» и «хорошо», а просто снимает эти понятия, заменяя их двумя точками в фазовом пространстве исторических результатов. Разница, как мы увидим, существенная.

Итак, к существующему на сегодняшний день состоянию двух систем — A и B . Можно констатировать, что с точки зрения возможностей дальнейшего развития обе они подошли к критическому барьеру, обозначенному на рисунке $C - C^1$.

Суть этого барьера состоит в том, что перейти его, продолжая двигаться в привычном направлении, не может ни система A , ни система B . Налицо общецивилизационный кризис. Принципиальным здесь для нас является то, что как только мы вводим «время» как параметр в нашу модель, мы сразу же оказываемся по ту сторону формулы «у них — хорошо, у нас — плохо». Образно говоря, мы должны от метафоры «они живут в номере-люкс в роскошной гостинице, а мы — в концлагере», метафоры, предполагающей возможный переход из «нашего концлагеря» в «их гостиницу», желательно в «номер-люкс» или, по крайней мере в любой приличный «номер», перейти к другого рода метафорам. Таким, в которых фигурирует время.

Например, Мы едем к последнему полустанку, вместе с ними, в одном, общецивилизационном поезде. Они при этом едут в спальном вагоне-люкс, а мы — в гнусной

теплушке. Но осталось лишь пять минут до конечного полустанка, когда и мы, и они начнем выходить из вагонов. Или, что может быть точнее, пять минут осталось и нам, и им до катастрофы, в которой и мы, и они погибнем. Фактически одновременно. Так стоит ли думать о том, как «перебраться» в более приличный вагон, или же нужно размышлять на другом уровне?

Теперь третий вопрос. Все к тому же понятию «у них» и «у нас». Предположим, что барьер $C - C_1$ — проникаем, и что его можно миновать, изменив траекторию исторического движения. Предположим, что осознав это, они начинают менять траекторию, развиваясь дальше по кривым $V^1 - V_1$, $V^1 - V_2$, $V^1 - V_3$. Что в этом случае делаем мы?

Мы можем, во-первых, двигаться в точку V^1 по кривой $A^1 - V^1$ (траектория A_0). Мы можем, во-вторых, двигаться с опережением по кривой $A^1 - A_1$ с тем, чтобы попасть в точку V^1 , «перехватив» их, учтя те качества, которыми их система будет обладать в точке V^{11} . Иначе говоря, задавшись вопросом: что у них будет завтра, мы можем произвести необходимые коррективы собственного развития. Ввести, как это принято говорить, соответствующие приоритеты.

Но точка V^{11} есть лишь этап при движении в рамках траектории V по модели $V - V_4$, то есть при условии полного благополучия, отсутствия общесовременных барьеров и возможности развиваться и далее в условиях полного изобилия. Если же этого нет и если они собираются осуществлять «маневр» по кривым $V^1 - V_2$ или $V^1 - V_3$, то нам гораздо рациональнее двигаться не в точку V^1 и даже не в точку V^{11} , а в точку A_2 , лишь немного корректируя свои параметры движения. Это означало бы, что завтра «хорошо» жить не сможет уже никто. А возникнет проблема выбора между сколько-то приемлемыми условиями жизни и полным небытием. Такой вариант — вполне возможен, как реальная альтернатива. И он давно рассматривается всеми, кого не удалось поймать на крючок того мифа, который нами анализируется и который, как мы считаем, имеет основания претендовать на «фундаментальную ложь перестройки».

После того, что нами разобрано, имеет ли смысл далее задавать вопросы этому мифу? По сути, смысла в этом нет, но по форме, «для протокола», мы подобные

вопросы все-таки перечислим.

Итак, **вопрос четвертый.** Все ли «хорошо» у «них»? Даже в лучших странах, даже сегодня, даже при благоприятном варианте развития всей нашей цивилизации. Так ли хорошо жить в этом, образно говоря, «номере-люксе»? Этот вопрос не имеет однозначного ответа, и мы думаем, что в советском обществе при его ознакомлении с реальной жизнью «там, у них», при понимании нашим обществом, какую цену они платят за такую жизнь, отнюдь не все согласятся на условия.

Вопрос пятый. За счет кого у них «хорошо»?

Вопрос шестой. Так ли у нас все «ужасно»?

Вопрос седьмой. Можем ли мы «сделать, как у них»?

Вопрос восьмой. Позволят ли они нам так сделать?

Вопрос девятый. Что значит, «сделать, как у них»?

И так далее, и тому подобное.

После того, как все эти вопросы заданы, перед нами вырисовывается серьезное проблемное поле, в рамках которого разные политические силы могут видеть разные решения проблемы, но важно, чтобы общим у этих сил было ощущение реальности, реальная забота о реальных интересах своей страны. Это и означало бы, что нам удалось провести начальную стадию «интоксикации» пусть даже не всего общества, а хотя бы его политически активного меньшинства. Тех, кто делает «политическую погоду», зачастую не ведая, что творит.

Часть 3. КАМО ГРЯДЕШИ?

То, что земной цивилизации угрожает самая серьезная опасность, то, что мы все находимся в преддверии Апокалипсиса, — по сути общеизвестно. Об этом говорят хотя бы исследования Римского клуба. Здесь нам важно не то, насколько эти исследования достоверны, а то, что они отражают сознание западной элиты, поиск ею путей выхода, прежде всего, для себя.

С этим же связаны и поиски возможности установления некоего нового «мирового порядка», меняющего траекторию общецивилизационного развития достаточно круто. «Круто» — в прямом и переносном смысле этого слова.

Здесь же и труды Фукуямы, здесь же научные результаты всех исследователей, заявляющих о том, что понятие «прогресс» в его позитивном смысле уже исчерпано, что накопленные человечеством противоречия требуют новых подходов для своего разрешения. Что необходимо скептически относиться у целому ряду исходных положений европейского гуманизма XVIII—XX века.

Вообще-то говоря, констатация общецивилизационного неблагополучия стала уже «общим местом», превратилась в нечто само собой разумеющееся. И если бы мы действительно хотели «быть, как у них», то мы бы обсуждали все эти проблемы с такой же пристальностью, как и они. Однако этого не происходит.

Страну продолжает захлестывать «колбасная мифология», согласно которой все богатство их «цивилизации», вся сложность переживаемых ими проблем, мягко говоря, искажается.

В связи с этим мы, извиняясь перед читателями, вынуждены дать хотя бы краткий обзор тех исследований, которые говорят о современном общецивилизационном тупике, о невозможности двигаться дальше в направлении, изображенном на рисунке 1 в виде кривой В — В₄, о неизбежности радикальных изменений, исключающих то, что «общество изобилия», описываемое кривой В — В₄, может быть уделом человечества в XXI столетии.

Вот что говорит Питер Рассел в статье «Мировой мозг — следующая ступень нашего развития»: «Применяя компьютеры и спутники связи, создавая охватываю-

шие весь мир сети электронной коммуникации, человечество устанавливает на всей планете значительно более сложные связи, чем это было возможно когда-либо раньше.

Мы, миллиарды мозгов, составляющих этот огромный «мировой мозг», связаны друг с другом нервными волокнами систем связей точно так же, как и миллиарды клеток индивидуального человеческого мозга.

К тому же наш мозг развивается точно так же, как и теперешняя ситуация на нашей планете. Начинает он развиваться рано — уже между восьмой и тринадцатой неделями беременности — и растет очень быстро. На десятой неделе происходит «демографический взрыв», когда каждую минуту образуется миллион новых клеток мозга.

Если бы вы были клеткой мозга, вы, наверное, забеспокоились бы. А хватит ли места всем? Достаточно ли на всех циркулирующей по сосудам крови? Рост продолжается до тринадцатой недели беременности, после чего начинает замедляться и в дальнейшем прекращается, наконец, совсем. С этого момента развитие мозга состоит только в установлении перекрестных связей между миллиардами клеток мозга.

Судя по всему, похожий путь развития проходит и «мировой мозг». Мы пережили быстрый и очень беспокоящий нас демографический взрыв. Но теперь он затихает, притом довольно быстро, если проследить за его развитием по временной оси эволюции. Одновременно мы, несомненно, шагаем к новой ступени развития — к созданию всеобъемлющей сети. Наша распадающаяся коммуникационная сеть начинает связывать один мозг с другим.

... Вполне возможно, что это, собственно, и есть цель эволюции, в которой мы играем — здесь и сегодня — важную роль».

Согласитесь, что эта цитата предъявляет нам некоторый блок идей, весьма далеких не только от демократии, рынка, общества изобилия и других благоглупостей 60-х годов, но и от гуманизма в том его понимании, в каком он существовал в последние 2000 лет, поскольку речь здесь идет не больше не меньше, как о скрытой форме информационной диктатуры. В самом деле, каким

это образом наш, так сказать «мозг», в начале очень быстро растущий, вдруг начнет сокращаться на «13-ой неделе беременности»? Поскольку демографический процесс столь же интенсивен сегодня, как и десять лет ранее, мы можем считать, что речь идет о том, что не все клетки (люди, поскольку под «клетками» Рассел имеет в виду людей) являются клетками «мозга». Иначе говоря, речь идет о том, что часть человечества будет включена в «мировой мозг», а большая часть его будет из этого «мозга» выброшена. Весьма и весьма серьезное утверждение.

Вот что говорил генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Хавьер Перес де Куэльяр:

«Никакая стратегия в области охраны природной среды не станет действенной до тех пор, пока существующие на Юге условия жизни по-прежнему не будут оставлять обитающим там людям иного пути для выживания, кроме как и далее вырубать леса и иссушать землю, ведя на ней примитивное земледелие. Легко понять страх бедных остаться вечно обреченными на нищенское существование, который порождается двоякой для их будущего угрозой — как продолжением дальнейшей бесконтрольной вырубке лесов, так и ее полным запретом. Зарождающаяся в странах Юга промышленность не может и помышлять о том, чтобы одними лишь собственными силами, без предоставленных на льготных условиях природосберегающих технологий, предотвратить прогрессирующее загрязнение окружающей среды, уже известное нам по отнюдь не гладко протекавшим процессам индустриализации на Севере».

Приведем также отрывок из доклада Организации Объединенных Наций за 1988 год, посвященный данной проблематике. Там говорится:

«В результате возрастания потребностей человека во все большей степени деградируют основные природные ресурсы — почва, вода, атмосфера. Высокая рождаемость и увеличение численности населения усугубляет этот процесс... В промышленно развитых странах проживает менее 25% населения земного шара, но в них тем не менее потребляется 75% всех видов энергоносителей, 85% продукции деревоперерабатывающих отраслей и 72% выплавляемой стали. Одно из последствий этого — вред, наносимый окружающей среде... Назрела необхо-

димось незамедлительных действий. Уже сегодня на Земле проживает пять миллиардов человек, к концу столетия их станет шесть миллиардов. Почти весь прирост приходится на развивающиеся страны, которые в силу своего экономического положения не в состоянии выдержать его...».

В докладе «Допустимое развитие», подготовленном Берлинским центром социальных исследований, принята попытка перевода сказанного в плоскость количественных показателей. В нем говорится:

«По всем признакам в настоящее время состоятельное меньшинство человечества гарантирует себе — за счет эксплуатации естественных ресурсов и наносимого природе вреда — уровень благосостояния, намного превышающий тот, который с экологической точки зрения достаточен для жизни всех людей...».

При сохранении такого соотношения, которое, между прочим, видимо, довольно точно отражает действительно олигархический характер принципов распределения мировых жизнеобеспечивающих ресурсов или разделения бремени, связанного с загрязнением природной среды обитания, ситуация конкретно выглядела бы так: богатое меньшинство (около 1 млрд. человек) потребляло бы в год по 10 единиц условных ресурсов на душу, а 4 млрд. немущих — всего по одной единице».

Приведенные нами цитаты мы завершим высказыванием Карлхайнца Бёма: «Место конфликта Восток-Запад... занял конфликт Север-Юг, представляющий собой трагедию несопоставимо большего масштаба... Европеец..., по-прежнему зашоренный, не думает о другой, «третьей» части мира, названной так в Рангуне, хотя вернее было бы назвать ее гигантской богадельней планеты Земля...».

Стремительный рост численности населения в этих нищенствующих регионах, регулярно повторяющиеся вспышки голода, политические конфликты — и на все это неизменно одна и та же реакция: поднятый вверх в назидание указующий перст, сенсационные сообщения в средствах массовой информации, «одаривание» уставшей уже ненужной самим поставщикам военной техникой. И все, хватит с вас!»

Раньше нам казалось, что это «Хватит с вас!» касается только Сомали, Эфиопии, Зимбабве. Теперь мы понимаем, что это имеет непосредственное отношение к тому, что раньше называлось СССР, а теперь, по-видимому, стремительно начинает становиться одной из частей «Юга».

Часть 4. СЕВЕР — ЮГ

В конце предыдущей части мы сознательно ограничили круг цитат и примеров, с тем, чтобы осведомленный читатель не мог упрекнуть нас в том, что мы пытаемся развернуто доказать ему нечто наподобие известного утверждения о Волге, впадающей в Каспийское море. Мы считаем, что разрушение мифа, выраженного в сакраментальной фразе о «нашем» и «ихнем», фразе, разбору которой мы посвятили добрую половину второй части доклада, это вопрос реальной идеологии. Той идеологии, которую еще предстоит построить.

Что же касается концепций, то они в разжевывании не нуждаются. У них — другой потребитель. Поэтому мы считаем, что переориентация человечества на модель, позволяющую преодолеть цивилизационные тупики конца XX столетия, это уже свершившийся факт.

В рамках какой же модели могут решаться цивилизационные противоречия? Как может повести себя человечество у последней черты? Как оно среагирует на глобальный кризис? Тут, в принципе, возможны два варианта.

Вариант первый. Продолжать жить по тем же привычным стандартам общества изобилия, сузив круг входящих в это общество стран и государств до предела (1—1,5 млрд. из населения земного шара). Всех остальных «опустить» до того уровня потребления, при котором суммарная нагрузка на планету окажется ниже предельно допустимой. Все зависит, в этом плане, от достижений «Севера». Если будут получены принципиально новые решения в области энергетики, очистки окружающей среды, контроля над процессами, происходящими на планете и т.д. и т.п., если . . . то даже тогда останется актуальным вопрос о распределении, например, энергетической квоты, поскольку никакие чистые технологии не спасут планету, разогретую за счет избыточного энергопотребления до уровня выше критического. Если считать, что основным в развитии человечества сегодня является именно вопрос об ограничении роста и развития, то можно сделать соответствующие выводы относительно перспектив того, что раньше называлось СССР. В самом деле, зачем Западу или, как теперь это говорят, Северу нужно, чтобы в СССР в обозримой перспективе

было построено общество изобилия? Представим себе, что его удастся построить в СССР да еще вдобавок, в Китае и Индии... Ведь это было бы равносильно планетарной катастрофе.

Мы утверждаем, что ни сейчас, ни пятью годами ранее, ни у кого из ключевых политиков мира не было стремления строить в СССР общество изобилия. Не было стремления включать СССР в т.н. «Север». Задачи изначально были другие. И только наивный советский человек мог пребывать по этой части в иллюзиях. Вопрос был окончательно решен в тот момент, когда СССР начал стремительно «демократизироваться». Север мог сколько угодно возмущаться поведением китайцев, но он вынужден был корректировать свои планы на темпы развития китайской экономики. Китай властно заявил о себе. СССР добровольно ушел с геополитической арены под крики о «новом мышлении». Как говорится «вольному — воля». Запад (или Север) сделал вывод и поступил соответственно своей новой установке, суть которой — как можно меньше развивать как можно большее количество стран, народов и государств. Еще раз подчеркнем — это не злая воля Севера, это вопрос ресурсов планеты и методов из распределения между потребителями. Жесткая прагматическая проблема. Не понимать ее могли лишь глобальные шестидесятники, т.е. не те шестидесятники, которые сначала славил подвиги комсомола, а потом проклинали советскую власть. О них мы здесь говорить не будем. Но были и остаются действующими в политике другого рода шестидесятники, те, которые усваивали глобалистику в 60-е годы. Тогда все казалось ясно. Есть один (либеральный) рецепт мирового развития. Каждая страна, которая принимает этот рецепт (демократия, рынок, плюрализм и т.п.) становится постепенно одной из высокоразвитых стран. Дальше все лишь вопрос времени. Ресурсы планеты неисчерпаемы. Сладких пряников хватит на всех. Надо только отказаться от культурно-исторической самобытности и стать на столбовую дорожку прогресса, и дальше все пойдет само собой. Такого рода идеология называлась «мондиализм», и с нашей точки зрения, ничего дурного собой не представляла, ибо исповедовала равенство возможностей для всех участников. Такой вариант «мондиализма», существовавший в мире до конца 60-х годов, можно было

назвать «мондиализмом 1-го рода». То есть «открытым мондиализмом», «мондиализмом», стремившимся облагодетельствовать всех. Спору нет, что для многих участников процесса такой «мондиализм» был врагом, был чуждым и разрушительным. Спору нет, что были и остаются страны, которые хотели бы идти своим путем и которые не желают менять пряники изобилия на культурно-историческую самобытность. Спору нет, что действительно эффективными могли быть лишь модели, опирающиеся на традиции, хотя и не отрицающие прогресс. Безусловно, «мондиализм 1-го рода» примитивизировал процесс мирового развития, преувеличивал свои возможности, давал принципиально неверные рецепты. И все же это, безусловно, был, если можно так выразиться, добрый «мондиализм», желавший щедро поделиться своими дарами с «меньшими братьями». Многие политики и ученые, сформировавшиеся в ту эпоху, так и остались мондиалистами 1-го рода, утопистами, уверенными в том, что земля вступает на путь всеобщего планетарного благополучия. Но начиная, как минимум, с середины 70 х годов возникла вторая волна «мондиализма», та волна, представители которой не стеснясь говорили о своем намерении «опустить в гетто» большую часть человечества ради того, чтобы его меньшинство продолжало купаться в благах мировой цивилизации. «Стариков» использовали, как новогодних дедов Морозов, для того, чтобы навеивать золотой сон. А под этой завесой молодежь жестко заявляла о том, каким именно будет новый мировой порядок. И не только заявляла, но и осуществляла свои планы шаг за шагом, год за годом, континент за континентом разделяя на чистых и нечистых, «мэншей» и «унтер-мэншей», господ и рабов. Что в этой ситуации могло быть предоставлено России? В какой этаж обще-европейского дома могли ее загнать? Только в глубокий подвал, только в гетто, особенно с учетом тех «технологий», которые применялись и продолжают применяться в этой стране. И не надо иллюзий.

Вариант второй. Он продолжает состоять в том, что человечество меняет систему ценностей, ориентаций, понятий о качестве жизни. Что критерии и мерки общества изобилия перестают восприниматься всем человечеством как нечто абсолютное. Он состоит в том, что человечество перестает стремиться к наращиванию потребитель-

ского потенциала и меняет систему смысловых координат. Число теоретически, такой вариант, якобы, предлагался коммунистами. Трагедия заключалась в том, что на самом деле ни о каком таком варианте речи не шло. Вместо него нам предложили «гуляш-коммунизм» на словах и полуколонизальный тип развития с эксплуатацией сырьевых ресурсов страны — на деле. Но в сознании общества оставалась альтернативность. Теперь она снята. А вне ее общество развиваться не может. Либо возникнет новая модель, описывающая второй вариант развития на новом языке, либо Россия будет лишена места под Солнцем. Поэтому она, казалось бы, больше всех заинтересована в разработке подобного варианта. Но на самом деле происходит нечто другое, странное и противоестественное. Россия, сама не отдавая себе отчета в этом, своими руками продолжает толкать себя в котлан, гетто. Зачем?

Часть 5. РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ.

Вначале рассмотрим вопрос о системном кризисе Российской Федерации.

Если в начале перестройки уровень жизни в России составлял $1/3$ от уровня жизни в странах «Севера», то теперь уровень жизни упал до $1/10$. Таким образом даже по этому одному параметру можно судить о темпах «опускания» Российской Федерации «в гетто». Национальный доход на сегодняшний день составляет $1/4$ национального дохода 1985 г. Мы имеем до 600% инфляции в текущем году. Налицо война крестьян с городом, выражающаяся в том, что не происходит вывоза товарных излишков из сельской местности (продовольственный кризис). Налицо, далее, «дикий бартер» в отношениях между производителями, то есть по сути снятие товарно-денежных отношений. Единое экономическое пространство раздроблено. Банковская система разрушена. Коммерческие банки заняты перекачкой безналичных денег в наличные. Система распределения не работает.

В самом деле, собранный в этом году урожай при нормальном распределении был бы достаточен для обеспечения нормального снабжения населения продуктами питания. Однако, на деле этого не произошло, что свидетельствует о том, что прозрачность границ, заявленная в ряде деклараций, включая Алма-Атинские соглашения, это фикция. На деле даже коэффициент пропускания товаров из одного регионального рынка в другой не превышает 0,25.

В ближайшее время документы об амнистии, созданные российским руководством, дополнительно подхлестнут преступность, которая сегодня и так уже превращается в «законодателя мод».

О фермерстве. Упования на фермерство — это одна из иллюзий последнего пятилетия. Обществу постоянно предъявлялись цифры, говорившие о потрясающей эффективности приусадебного хозяйства. Ему при этом не говорили о том, что подобная эффективность в каком-то смысле близка к эффективности стахановского движения. Иначе говоря, как только процент фермерства увеличится, эффективность его — уменьшится соответственно.

Производительность приусадебных участков, как показывают многочисленные анализы, полностью строилась на воровстве из колхозов и совхозов, на дармовом по сути использовании колхозной и совхозной техники, на непропорционально низких ценах на государственные продовольственные товары, прежде всего на хлеб. Теперь эта эффективность продемонстрировала свой «дутый» характер.

О «единой валюте» или так называемой «рублевой зоне». Расчеты показывают, что «рублевая зона» это еще один «мираж». Дело в том, что покупательная способность рубля сильно отличается от одного региона к другому. Таким образом, мы в ближайшее время будем наблюдать все более резкое отличие между «рублевыми зонами» как на территории РСФСР, так, в особенности, на территории бывших республик СССР, фарисейски заявивших о «прозрачности рублевых границ».

На деле эта «прозрачность» обернется (и уже обернулась) интервенцией рублевой массы в Россию и, соответственно, выкачкой из России товарной массы. Это еще обострит контрастность. Но обостренная контрастность вызовет усиление интервенции и еще более интенсивное вымывание товарной массы. Иначе говоря, мы имеем дело с цепной реакцией дистрофии рубля на территории РСФСР.

Далее. Мы естественно, должны констатировать технический кризис, наличие в России критической массы форсированно изношенного оборудования, причем прежде всего в так называемых базовых отраслях. Скажем честно, что при сегодняшней политике российского руководства замена этого оборудования — исключена. Кроме того, мы имеем дело и с технологическим кризисом, поскольку проводимая инвестиционная политика может быть названа «политикой отрицательных инвестиций».

Новых технологий нет. Денег на них тоже нет. Наука обрушена. О каком «Севере» может идти речь?

Далее. Россия добровольно отдала гигантское количество ценностей, созданных при ее участии, можно даже сказать, при преобладающем ее участии, на территории других республик. Вопрос о собственности даже не возник, хотя потери в этом вопросе исчисляются десятками

миллиардов долларов. Где же здесь «забота о национальных интересах»?

Далле. Россия не заключила даже конвенции по транспорту, и теперь она, возможно, в течение долгого времени, и уж по крайней мере в течение ближайшего полугодия будет находиться в зависимости от прибалтийских портов.

О территориях. Россия потеряла ряд ключевых территорий, включая так называемые «сакральные», то есть «священные». Пример тому — Севастополь.

Об идеологии. В России, как нигде, заметна социальная регрессия. Мы имеем дело с отбрасыванием общественного сознания чуть ли не к первобытным формам. Налицо идеологизация рынка, категории, казалось бы абсолютно не идеологической. Налицо очевидная «наркотизация» общественного сознания в самых неприятных формах. Она включает:

- сосредоточение интереса в рамках узкой группы примитивных и сиюминутных вопросов, что уже само по себе представляет регрессию к примитивнейшей фазе «влечения к самосохранению»;

- как показывают анализы, происходит деградация типичных мечтаний среднего советского человека. Они все более сводятся к элементарным и сиюминутным вещам;

- помимо безразличия в структуре эмоций «пальму первенства» делит с ним возбуждение. В итоге можно констатировать, что мы имеем дело одновременно с апатией и агрессией, что характерно для структуры эмоций узников концлагерей.

В социальном плане средний субъект все более чувствует себя полностью деклассированным. Все чаще в среде опрашиваемых можно слышать высказывания о том, что с ними обращаются буквально так, как если бы они были «никто».

Исследования показывают, что налицо прогрессирующий распад структуры переживания времени. Все больше процесс реформ начинает восприниматься как бессрочный процесс. Все чаще люди говорят о «бессрочном временном состоянии», в котором они находятся. Налицо переживание утраты будущего. Масса опрашиваемых говорит о том, что «будущего нет» и что «все они — это

живые трупы». Все чаще можно констатировать уход в прошлое. Очевидно, отсутствует та фиксированная точка отсчета в будущем, без которой человек просто не может существовать.

Все это крайне тревожно. Налицо опасность внутреннего падения большей части общества.

О безработице. В самое ближайшее время она станет фактически неминуемой. Это означает, что радикализация политического процесса — дело ближайших месяцев.

О структурном качестве экономики. Так называемая «обвальная приватизация», будучи проведенной, своим результатом вызовет полную потерю управляемости экономики. Расчеты показывают, что структурное качество, которое мы получим в результате «обвальной приватизации», фактически исключает возможность самоорганизации экономических субъектов, особенно в условиях тотального дефицита.

О ресурсе доверия. По расчетам он составляет даже по отношению к Ельцину не более 5 месяцев. Налицо всеобщая ненависть к Москве, которая объединяет даже такие противостоящие друг другу слои населения, как национал-сепаратистов и русскоязычных. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты референдума на Украине.

В ближайшие полтора-два месяца, как показывают расчеты, нам угрожает потеря «инфляционных иллюзий», которые демпфировали процесс на протяжении последнего полугодия. Возможно, что дальнейшая регионализация и сепаратизация в течение какого-то времени ещё будут «гасить взрыв». Но, очевидно, — это плохое «лекарство» для власти.

О Ельцине. Скорее всего, перед ним ставятся следующие основные задачи.

1. С помощью экономической реформы довести развал до стадии социального бедствия.

2. Снять символику всего советского периода.

3. Устранить часть лидеров и сил, начиная от номенклатуры (идея суда над КПСС), кончая рабочими лидерами и патриотическими лидерами умеренной ориентации. Ожидается также, что это приведет к удару по местным административным и хозяйственным кадрам, что, по-видимому, является в данном случае приоритетом.

4. Скомпрометировать определенное поле идей (самоорганизация через рынок, возможность своими силами вывести Россию из тупика, Великая Россия на месте Великого Союза, государственность и т.п.).

5. Продвинуться еще на несколько шагов в сторону развала российского государства.

6. Нанести удар по армии, сконцентрировать ядерные ресурсы таким образом, чтобы они оказались наиболее подконтрольными.

7. Восстановить авторитет тех лидеров, чей авторитет сегодня оказался утраченным.

Мы вовсе не говорим, что эти задачи сознательно выполняются Ельциным. Мы всего лишь констатируем, что объективно процесс идет именно в этом направлении.

О зарубежной помощи. Как высокая заслуга предьявляется то, что раздобыто 500 тыс. тонн продовольствия. 500 тыс. тонн — это 500 млн. кг. Учитывая, что их трех единиц продовольствия как минимум две будут перехвачены мафией, мы должны эту цифру поделить на три и тем самым получить . . . примерно по одному килограмму на одного человека.

О русско-тюркском конфликте. Мы по-прежнему настаиваем на том, что он нарастает. Равно, как и потенциальный конфликт России с Китаем.

И наконец, в заключение, мы можем сказать главное: **СЕГОДНЯШНИЙ РАЗВАЛ ЖИЗНИ ПРЕОДОЛЕВАЕТСЯ НЕ «МЫЛОМ» И НЕ «КОНСЕРВАМИ».** Пока не произойдет осознание ситуации, пока не возникнет образ коллективной цели, выхода из кризиса нет и не может быть.

Несколько слов о российских реформах. То, что мы видим, это образец «перевернутого мышления». Мы можем с уверенностью сегодня говорить о том, что предложенная России реформа — это перевернутая реформа. В каком-то смысле она покрыла «рекорды», поставленные авторами программы «500 дней». В этом смысле можно сказать, что даже (!) программа «500 дней» более логична, нежели реформа Гайдара.

Здесь следует выделить ряд вопросов.

Первый. Почему из всех реформ, из всех типов экономического реформирования используется методология

реформирования, разработанная Дж. Саксом и его командой. Результаты такого реформирования всем известны по Боливии и Польше. Всем известно, что по рецептам МВФ, чьим представителем является Дж. Сакс, ни одна страна еще не входила в «Север». Результат всегда — «опускание в гетто», при некоторой подключенности этого «гетто» к экономике стран «Севера». И в сущности, вся задача подобного типа реформ в том и заключается, чтобы добиться согласованности, системной совместимости высокоразвитой экономики «Севера» с реформируемой страной «Юга».

Предположим, что задача состоит в том, чтобы как можно быстрее построить капитализм. Бог бы с ним! Сегодня надо преодолеть идеологические симпатии и антипатии. Но почему этот капитализм надо строить не по рецептам Кейнса, Самуэльсона, Леонтьева и других Лауреатов Нобелевской премии. Почему используются именно рецепты Дж. Сакса?

Второе. Даже в рамках этих рецептов реформу почему-то все равно «выворачивают наизнанку». Предполагается стабилизация после отпуска цен. Черта с два, между прочим, она произойдет! Но главное, что все остальные страны, даже использовавшие рецепты МВФ, сначала проводили стабилизацию, потом создавали рыночную среду, способную реагировать на монетарное воздействие, и только после этого отпускали цены. Здесь — ни стабилизации, ни денежной реформы, ни конвертации (кстати, давно обещанной), ни российской валюты (в сложившихся условиях абсолютно необходимой), ни приватизации, ни структурирования экономики — все начинается и по сути кончается либерализацией цен.

Думаю себе, что это?

С нашей точки зрения это только стремление добыть дышащую на ладан экономику. И ничего больше.

Краткие выводы.

1. Ключевая проблема для политического самоопределения всех, кто всерьез говорит о судьбе государства и общества — это проблема «Север» — «Юг».

2. В предшествующий период было сделано все возможное, чтобы подменить эту проблему проблемой «перехода к рыночным отношениям» под лозунгом «У них

хорошо, у нас плохо». В результате удалось добиться определенного идеологического эффекта. Идеологизированное до предела сознание советского человека просто подменило ту ячейку, в которую было вписано «коммунизм» другой ячейкой, со столь же маловразумительной записью «рынок». Рынок был воспринят как панацея, как спасительное сверхоружие, своего рода ФАУ-2, как ТОТЕМ первобытного племени.

Социальный регресс, вызванный психологическим шоком в результате предъявления обществу сказки о его сокрушительном поражении, закрепил всю эту шаманскую, колдовскую, первобытно-магическую стихию. Меняются шаманы, меняются ритуалы, но суть не меняется. Общество — гибнет.

Средства массовой информации, и прежде всего — телевидение, закрепляют в обществе ложную обратную связь, ничем не отличающуюся по сути от тех, которые существовали в период «развитого социализма». Сознание впитывает в себя «миражи рынка» при полном отсутствии такового в реальности. На экране мелькают фиктивные капиталы, мафиозные люди, псевдо-концерны, лже-корпорации. Люди радуются этому, как свидетельству очередного «светлого будущего».

Дошло до того, что необходимость сделать «все как у них» приобрела характер острого маниакального психоза. Так телевидение ликуяще сообщает зрителям, что у нас уже 5 миллионов безработных, почти «как у них».

Подобный идиотизм лишает общество надежды на выход из тупика. Общество социального регресса, общество камланий на тему о рынке, общество оболваненных — это Град обреченный!

Вывод. Необходимо бороться с одурачиванием, с шаманами от рынка, с социальным регрессом. И делать это надо, не раскалывая общество на «коммунистов» и «капиталистов», чего бы многим хотелось, а доводя до сознания актуальность проблемы «Север — Юг». И все отстраивать именно от этой проблемы, варьируя ее и добиваясь ясности понимания. Всеми слоями общества.

Пока этого не произойдет, ни о какой политической борьбе не может быть и речи. Голодные толпы, отчаявшийся люмпен, ненавидящий фундаментализм — это еще не политика.

3. Мы разделяем всех существующих сегодня политиков и все общество на четыре группы.

Первая — это те, кто находится вне понимания проблемы «Север — Юг». Здесь надо работать. Надо добиваться понимания.

Вторая. Группа, думающая, что она способствует «вхождению» страны в «Север» или хотя бы попаданию как можно ближе к нему. При всей разнице позиций, с этой группой можно и нужно сотрудничать. Во-первых, анализируя тип реформ и критикуя его с позиций достижимости подобного результата, во-вторых, анализируя перспективу подобного вхождения с геополитической точки зрения, и в-третьих, как минимум, не мешая, а как максимум, помогая, коль скоро эта группа действительно предлагает конструктивную модель такого вхождения.

Третья. Группа, сознательно работающая на «опускание» своей страны «в гетто», в резервацию, в «Юг», моделирующая на этой территории «черную дыру». Здесь наша позиция — категорическое нет. Варианты работы — от жесткого отрицания до попытки объяснить, что подобная концепция чревата мировой катастрофой. Методы работы — анализ действий и только действий, ибо словесно ни один политик не признается в том, что он ведет свою страну на закланье, и наоборот, будет особо красиво лгать, вслед за Талейраном, руководствуясь принципом, что де мол, «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». Скажем прямо, мысли определенного «качества».

Четвертая группа. Те, кто ищут (или имеют) и намерены осуществлять в России (и в мире) концепции, альтернативные модели «Север — Юг». Мы относим себя именно к этой группе и в рамках такого подхода развивали, развиваем и будем развивать свою модель. Развивать — и предъявлять ее обществу.

Время покажет, кто прав.

Институт Росгипролес, заказ 2-499, тираж 500